

Полярная Звезда

Дамир Губайдуллин

Дамир Губайдуллин

Полярная звезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67920447

SelfPub; 2025

Аннотация

Мраморные колонны и незнакомые люди.

Легенда об уничтоженном метеоритом огромном городе.

Слухи о препарате, стирающем память.

Он приезжает туда, где никогда не был, но вскоре понимает, что когда-то здесь творилась история его жизни. Воспоминания исчезли. Кто-то их стер?

Здесь, на берегу Озера правда, среди бесконечных северных просторов, откроется истина.

Кто победит, а кто проиграет? Страх... Или... Любовь...?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

100

Дамир Губайдуллин

Полярная звезда

Введение

Непрощенный.

Моя история не начнется со дня рождения. С описания памятных дат. Моментов детства. История моей жизни начнется с города, в котором я оказался случайно. Вопреки обстоятельствам и здравому смыслу.

Если вы когда-нибудь слышали о полярных широтах, то наверняка можете себе представить, что означает полярная ночь. Это миллионы нитей на вечернем небе, сотни крайних озарений вечности на просторах полярности жизни. Это как символ земного притяжения, закрытой энергии вселенной.

Моя жизнь не была похожа на кропотливо написанный роман, не напоминала она историю золушки. Она была источником вдохновения моей матери, красивой повестью одного человека, который отдал все для того, что бы я существовал прилежно и светло, для исчезновения полярной ночи из существования, которое она родила и воспитала.

Моя мама всегда считала, что мечты – это что-то сокровенное. И вот, когда в порту мы обливались чистым северным закатом и говорили обо мне, она всегда чувствовала, что крайность бытия – это и есть человеческая сущность, значе-

ние, которое мы хотим знать и которое нам не подвластно.

«Мечты – это символ эпохи», – говорила мама. Мечты – это сила человеческого осознания собственного могущества. Когда человек доверяет своим мечтам, он способен достичь вершины горы и покорить ее, подчинив сознание своей сущности...»

Один учёный сказал: жизнь – это калейдоскоп лучистого неба, лазурь во мраке вселенного хаоса и его разветвлений... А город, города, в которых мы проживаем своё бытие – это часть великого замысла, кустарного процесса того, кто живёт в нас. И вот тогда, когда я не простил своего создателя за все грехи внутри меня, когда не поверил вселенной, распахнувшей передо мной двери сознания, она навеки оставила меня непрощённым, в забытых легендах счастья и радости города, в котором я родился.

Если отойти от философии, нужно ли спрашивать, о том, были ли я хорошим сыном? Думаю, что да. Были ли я хорошим парнем? Наверное, что да. Та сила жизни, заложенная во мне, в моем городе, она долгое время позволяла ощущать притяжение времени, его отток туда, вверх. Проще говоря, мне всегда казалось, что оно есть. И часто я думал, что осталась самая малость до того момента, когда все будут счастливы. И я. Буду счастлив.

Я не рос пай мальчиком. В моей голове всегда носились мысли хулигана, не видевшего своей жизни без крайних дво-

ров маленького серверного поселка, где чистые северные широты делали нас такими, какими мы потом стали.

Недалеко от того места, где родилась моя любовь, стоял огромный круизный теплоход "Йоуко Похьянпало". Когда я был маленький и смотрел на него, и мне казалось, что это – маленькое мироздание,, крохотный островок по сравнению с тем величием, которое было видно на большом расстоянии. Сейчас теплохода нет. Но в сознании моих ровесников "Пох", как называли его товарищи, всегда останется символом ребячьего задора и великого божественного замысла.

Человеком всегда движут чувства. Что бы он ни делал. Вины, достоинства. Иногда мы ступаем в неизвестность, не ощущая глубины. Движение чувств – это тоже калейдоскоп жизни.

Пульс. Барометр. Давление

И вот я почувствовал, что в моей жизни наступило время перемен. Что нужно что-то менять. Законы каменных джунглей были не для меня, поэтому я собрал вещи и отправился в Инкери.

Место, в котором я стал человеком.

Остров, в котором я осознал чарующую радость жизни

Тот город, в котором я родился.

Мой поезд остановился на станции. Страна северного чистого света и бескрайних озер, близкая мне по духу с детства, оказалась совсем рядом.

Я жил этими мыслями долгие годы. Эти северные, бескрайние бесконечности давали моей душе ту часть умиротворенного спокойствия, необходимого для счастья. Я жил с мыслью о том, что когда-нибудь окажусь здесь, среди этих безграничных мраморных просторов города Инкери. В том самом, в котором уже когда-то был. Когда-то в прошлой, беззаботной жизни.

«Простите, простите, пожалуйста». Заглядевшись на старую колокольную, я не заметил несущуюся на всех парах прекрасную девушку, так мимолетно пытавшуюся прошмыгнуть мимо меня. Она ничего не ответила, только смерила жутким взглядом и удалилась.

Что может значить финский или почти финский город? Конечно же, его улицы, полные самых различных людей, разного сорта. Финская мода не знает границ: я увидел девочку в сером костюме со шляпой цвета хаки на голове, пожилого гражданина в зеленых шортах, восточных мужчин в свитерах на голое тело. Несомненно, город жил своей удивительной жизнью.

Видели ли вы когда-нибудь финского мороженщика? Ми-

мо меня промчался небесного цвета фургон с надписью «Jäätelöä», за ним – толпа мальчишек и девочек с восторженными криками. Холодную сладость здесь делали на месте, и приезд мороженщика ждали как бой курантов на Новый год.

Я полюбил этот город. С первой каплей дождя, упавшей с неба. С первого услышанного слова. Я будто бы вернулся домой. Туда, где когда-то давно счастливо и беззаботно обитал.

На остановке, я отметил еще одну любопытную вещь. Финны – любители больших расстояний, то есть, невероятные недотроги. Словно шахматные фигуры, они стояли в сантиметрах 50 друг от друга.

И вдруг я снова увидел ее. Да, она стояла тут же, будто бы не замечая меня. Я улыбнулся и отошел чуть назад, к скамейке. Останавливаться дождь и не думал.

-Слушай, парень, савуки¹ не будет?– неожиданно спросил у меня Пожилой Гражданин ИКС. – А то, зараза эта,– указал он на крышу, – не скоро закончится.

– Прошу.– Тапу² курить я бросил еще дома. Но остатки прошлой жизни неуклонно следовали по пятам. Я вновь по-

¹ Savuke(сигарета, фин)

² Тара (Привычка, фин)

смотрел на прекрасную незнакомку. Нервно поправив прическу, она по-прежнему обделяла меня вниманием.

— Угу.— С огромным удовольствием затянувшись, Гражданин ИКС уселся поудобнее. — Вот спасибо.

— И часто тут так?— указал я на дождевые капли, стекающие с крыши остановки.

— Да каждый день. — Густые брови ИКСа сошлись над переносицей. Высоцкий, окрестил я его сразу. Томный баритон беглого заключенного. Хотя, бегать Пожилому Гражданину было бы тяжеловато. Вес не тот.— Зато, какие тут закаты, ммм.— Чмокнул губами ИКС и хлопнул меня по плечу.— Вот что, я вижу, что ты приезжий, так что, давай, не тушуйся, комедию не ломай, так и быть, сдам тебе свою комнату.— Пожилой резво поднялся и быстро зашагал прямо под дождем. Шагал Шагал, не иначе.

—Эй, стойте!— Опешив от неожиданности, я схватил сумку и побежал за Гражданином.— Но у меня ничего с собой нет, немного денег и все.

— Ничего страшного, справимся, придумаем что-нибудь.— ИКС поднял голову и с уверенностью сказал.— Слушай, сынок, и поверь мне, -Пожилой вновь ускоренными шагами

двинулся вперед.— Еще никто и никогда не жаловался на комнату дяди Терского, никогда!

Неожиданно я остановился и обернулся. Девушки на остановке уже не было.

Во двор ИКСа-Терского мы вошли через полчаса. За это время проливной дождь сменился морозящим надоедалой, а затем и вовсе прекратился. Над уютным городом появилась радуга.

Двор мистера Терского коренным образом отличался от всего увиденного в городе. Я будто бы вернулся в советское прошлое. Вы помните атмосферные Одесские дворики, со своим уникальным микроклиматом? Двухэтажный домик и лестница. Белье на турниках, выход из арки, во дворик. Примерно в таком мне предстояло жить. Среди белья, турников и двух мужчин, играющих в домино.

—Ооо, кажется, у нас пополнение!— хлопнул в ладоши игрок с сединою на висках. Трико придавало ему вид советского трудяги. Другому же на вид было лет двадцать пять, если не меньше. Лениво покачиваясь в кресле, он смерил меня любопытным взглядом.

—Здорова, мужики.— ИКС-Терский с трудом протиснулся между скамейкой и столом и аккуратно сел. На фоне легкого Молодого он смотрелся весьма комично.— Так, это мой гость,

прошу любить и жаловать.

–Здорова, служивый!– Протянул мне руку Молодой. В его наглom взгляде мелькнул огонек авантюриста и кутилы. – Микка. А это мистер Ховалайнен.– указал он на Пожилого.– Можно просто, Хова.

– Я тебе дам сейчас!– Ховалайнен слегка приподнялся и отвесил подзатыльник Молодому.– Сгоняй за выпивкой лучше! Гостя встречать будем.– Уже спокойным тоном добавил финн и повернулся ко мне. – А вы, молодой человек, надолго к нам?–

Ховалайнен извлеку сигарету и закурил. На первый взгляд они были неувовимо похожи с ИКСом-Терским, но в Пожилом жителе уютного городка угадывались манеры аристократа. Терский же больше напоминал рыночного торгаша на базаре.– Мы будем звать вас Гражданин Кейн.

–Даже так? – Я присел за стол, отложив сумку.– Может на год. Может на два. Как получится. А почему Гражданин Кейн?

– Видите ли, – Ховалайнен затушил окурок об стол.– В вас угадываются черты будущего санкари³ своего поколения. Журналиста. Чьи произведения будут с упоением читать мои и ваши внуки. Но, – финн остановился и окинул меня взглядом.– Слава придет к вам сквозь призму скандальности.

Пожилой смотрел в одну точку и, кажется, действительно верил в то, что говорит.

³ Sankari(Герой, фин)

–Ничего себе загнул!– Присвистнул Микка, а я лишь озадаченно покачал головой.– Он все знает. Местный Сальва.⁴
– Протянул молодой и хлопнул Пожилого по плечу.
– Ты еще здесь?!– Вдруг рывкнул Ховалайнен, а затем бросил на стол несколько купюр перед Миккой.– Пулей за выпивкой!– И вновь, сбавив тон, обернулся ко мне. – Гражданин Кейн, вечером ждем вас у себя.

Мне показалось, будто бы я сплю. Еще вчера я нежился теплом семейном гнездышке моей матери, а теперь стоял посреди крохотной комнатухи размером с большую кухню. Общезитие пролетариата.

Всего в комнату ИКСа-Терского вместились все самое нужное: небольшая тумба, стол, кровать и холодильник. Удобства вроде туалета и ванной располагались в коридоре.

За дверью слышались детские голоса и чей-то женский. Ругалась дама комбинировано, смешивая русские слова с финскими. Затем возник уже знакомый голос Микки, и все сразу встало на свои места. Похоже, Молодой был здесь на особом счету.

Присев на кровать, я приподнял голову и увидел над собой решетчатую крышку люка. Пододвинув стол (стульями Терский-ИКС тоже не жаловал), я отодвинул крышку в сторону.

Предо мной предстало заросшее пылью помещение черда-

⁴ Salvia(Мудрец, фин)

ка. Судя по слою грязи на деревянных стенах, уборка проводилась здесь еще во времена Великого Княжества Финляндского. Стеллажи с книгами, тетради, аккуратно сложенный матрас... В курсе ли был ИКС-Терский, что здесь пустует еще одно помещение? Я думаю, его бы это заинтересовало.

Наклонившись, я открыл первую попавшуюся тетрадь и увидел жутко знакомый почерк. Вот только никак не мог вспомнить, где же я мог его видеть?

–Кейн!– Я испуганно захлопнул тетрадь и вернулся в комнату.– Служивый, ну где ты там, ну?– Микка что есть силы барабанил в запертую дверь. – А то ждут уже все, а ты лазаешь где-то.

Общежитие мистера Ховалайнена(да, это он, а не Пожилой Гражданин ИКС, был хозяином дома) состояло из трех равных этажей. Помимо общей кухни, в дальнем крыле третьего этажа располагалась сауна. В остальном же общежитие ничем не отличалось от тех, которые мы привыкли видеть.

Когда я спускался вниз по ржавой лестнице, мне навстречу выскочили три абсолютно одинаковых маленьких человечка и устремились к прачечной. Вслед за ними из комнаты вышла женщина лет тридцати пяти; в руках она держала корзину с бельем.

–Ааа, мистер Кейн. – Она дружелюбно улыбнулась и протянула руку. -Ханна. Tervetuloa, hauska tutustua!⁵

⁵ Добро пожаловать, очень приятно познакомиться

–Эээ...– Я нервно рассмеялся. Мой финский язык оставлял желать лучшего.– Anteeksi, valitettavasti, mutta minä en ummatta.⁶

–Ааа, ei se mitaan⁷. –Ханна снова улыбнулась. Ее уже немолдое лицо сияло материнской добротой. Настоящую финку в ней выдавали вытянутое лицо и скулы; а приподнятый нос подчеркивал изюминку.

–Паасо... Пригласил тебя на ужин?– Жестикулируя руками, спросила Ханна.– Паасо. Illallinen⁸. День рождения. Nimiräivää.⁹ Мистер Ховалайнен.

– Ааа. – Дошло до меня.

– Да да... Мистер Ховалайнен. Женщина засмеялась, слегка прикрыв губы ладонью, и именно тогда, на засученном рукаве голубой рубашки в клетку я заметил маленькое красное пятнышко, а на запястье же – внушительных размеров рубец.

– Да, звал.– Кивнул я.– Только я был не в курсе, что у него день рождения. Сегодня.

– Ничего, бывает.– Положила мне на плечо руку Ханна.– Или вам не очень хочется идти, а, мистер Кейн?– хитро сощурилась женщина.

– Да нет, приду, конечно.– Улыбнулся я.

⁶ Извините, к сожалению, я не понимаю.

⁷ Ничего страшного

⁸ Ужин

⁹ Именины

– Правильно. Kyllä haudassa aikaа maata on¹⁰, мистер Кейн.— Подмигнула Ханна и, вновь схватив корзину, последовала к тройняшкам. Видимо, три девочки, едва не сбившие меня с ног, были ее дочерьми.

– Ну наконец-то, а мы все ждем, а вас нет и нет!— Прохрипел мистер Ховалайнен, едва я зашел в его душную комнату. Ничего напоминающего советский быт двора, здесь не было и в помине. Старинные клинки, дорогие фужеры, современные фото на стенах. Прямо за спиной Ховалайнена, на большой стене, висел внушительный портрет полуобнажённой дамы. Мне показалось, что все вокруг – декорации. Все эти клинки, мечи. Странно.

– Ну же, гражданин, садитесь, садитесь. – Паасо поднялся и усадил меня за шикарно накрытый стол. Финны – большие любители рыбы. Один мой знакомый товарищ довольно часто ездил в Суоми, поэтому я сразу опознал на столе традиционного финского лосося и вяленую оленину. Однако, есть, почему-то, не хотелось.

–Мы безумно рады вас видеть!— Продолжал разглагольствовать мистер Ховалайнен.— Позвольте представить, это моя дочь, Виви.— Он указал на девушку слева от себя. Типичное дитя севера скромно улыбнулась и помахала ручкой. Странно подумать, на хозяина общежития она была не похожа. Соломенные локоны, чистые, как озеро, голубые глаза.

¹⁰ На том свете отоспимся

Никакого сходства. Да и, к слову, мистер Ховалайнен сам не слишком походил на финна.

— Очень приятно.— Отчужденно кивнул я и схватил первую попавшуюся бутылку.

— Я хочу сказать тост, — разливая ликер, я вдруг заметил отсутствие мистера Терского. — За вас, мистер Ховалайнен, за вашу прекрасную дочь, за Микку, Ханну, и всех, всех всех!— Не чокаясь, я выпил ликер залпом и сразу же поплыл. Свет в глазах потускнел.

— Ханна...— Прошептал Микка.

— Тихо ты.— Одернул его Паасо.— Гражданин Кейн.— Негромко позвал меня Ховалайнен.— Ну, что же вы так, юноша? Это же, — он с гордостью указал на бутылку.— Домашняя, крепче самогона. Закусывать надо. — Рвано засмеялся он.— Вы слышите меня, гражданин?

Я почти не слышал. Борясь с собой, я пытался открыть глаза. Тщетно.

—Да, вещь крепкая.— Сказал Микка.

—Практики не было давно...— Держась за голову просипел я и больше не поднимался. Обмяк, как подстреленный кролик. Яркая лампочка светила так, что хотелось спрятаться куда подальше.

— Виви, Микка,— отнесите его спать.— Скомандовал Ховалайнен и глубоко вздохнул.— Думаю, и нам всем пора.

— Погодите...— Тряхнув головой, я все-таки завершил соревнование и с трудом поднялся.— Я, пожалуй, сам дойду.

—Ну, смотри.— Пожал плечами Микка и схватил со стола кусочек оленины.— Будь здоров.

—Доброй ночи, мистер Кейн.— Прохрипел Ховалайнен.

«Дядя, с ней нужно что-то делать. А то это уже третий раз за неделю, ну...»

Когда я открыл глаза, было уже светло. Солнечные лучи пробивались сквозь прозрачные занавески, ровными линиями падая на деревянный пол. Лишь спустя пару мгновений я понял, что нахожусь не в своей каморке.

За окном уже кипела жизнь. Микка о чем-то спорил с мистером Ховалайненом; едва заметные нотки алкогольного говорили о том, что несмотря на раннее время, Молодой уже успел где-то «принять» и теперь не давал покоя жителям коммуны. Мне показалось, что я должен был что-то вспомнить, однако из моей головы напрочь исчезли вечерние воспоминания.

Скрипучая кровать на которой я лежал, занимала едва ли не большую часть комнаты. Старинные часы, прибранные вещи в углу и аккуратно убранный стол подсказывали мне, что хозяином поместья является женщина, с которой мне, вероятно, придется познакомиться. Если мы, конечно, еще не знакомы.

Застелив кровать, я двинулся к выходу из комнаты, ко-

гда на мои глаза попалась сложенная вдвое открытка, между стеной и часами. Любопытно. Аккуратно развернув открытку, я обнаружил внутри несколько фотографий, подписанных разборчивым почерком.

«Разрушенный метеоритом город», «Жители укрылись в старом заброшенном метро», «12 выживших», «число бесследно пропавших неизвестно...».

Я поднес к свету одну из фотографий и увидел среди группы людей знакомое лицо. В голове мелькнула догадка, что еще вчера я нашел нечто подобное., пробудившее во мне воспоминания.

—Ааа!— Вскрикнул я, увидев в зеркале напротив знакомую девушку. Фотографии выпали из рук, рассыпавшись по комнате.— Фух. Хорошо что вы живая. Эээ, в смысле, не призрак.

— Ну-ну.— Кивнула девушка, с которой я виделся еще вчера, на автобусной остановке. Теперь она стояла, уперев руки в бока. Такая прекрасная, женственная, немного печальная, и, знаете, я чувствовал себя невероятно счастливым.

—Я...Мне... Интересно стало.— Глупо улыбаясь, я бросился собирать фотографии. Хмыкнув, девушка, как ни в чем не бывало, перепрыгнула через меня и щелкнула по кнопке электрического чайника.

—Было неожиданно обнаружить вас здесь ночью,— пробормотала она, убирая темные волосы в хвост.— Вы умеете удивлять, да да.

—Да, это мы умеем.— Собрав фото в стопку, я вложил их

обратно в открытку.— Ванамо.

—Простите, что?— застыла девушка у зеркала, в котором она смотрела прямо на меня.— Что вы сказали?— Спросила она, уже повернувшись. Я смущенно улыбнулся.

— Ну, Ванамо.— Попытался объяснить я.— Кажется, так его звали.— Разрушенный метеоритом город. Когда я был маленький, мне рассказывали эту тарину¹¹. Или, не тарину.

—Расскажите. — У девушки вдруг задрожал голос. — Все, что вы знаете.

—Я, ничего толком не знаю,— теребя воротник бежевой ветровки, проговорил я, немного удивленный й странной реакцией девушки, так быстро изменившейся в лице. — Я, в принципе, могу узнать, но с вас будет небольшая услуга.

—Ммм.— Девушка вновь уперла руки в бока.— Так, да? Я вас слушаю. Внимательно.

—Ну, понимаете, я вчера приехал, и...— Засмеялся я так заразительно, что девушка невольно улыбнулась в ответ. Наверное, можно было бы назвать это любовью с первого взгляда, однако сему явлению я не слишком доверял. Но этот человек, с такими тонкими, утонченными линиями лица, с выражением легкой наивности и печали, вызывал внутри меня необъяснимый трепет; чувства, которые я никогда ранее не испытывал.

Неожиданно для себя я взял ее за руку.

¹¹ Tarina(Легенда, миф – фин)

—Покажите мне город. А я все вам расскажу. Сегодня. Вечером. Лады?— Мне не хотелось отпускать ее; казалось, что тепло из ее маленькой ладони заставляет мое сердце биться быстрее.

—Ага.— Задумалась девушка и кивнула мне в утвердительном ответе.— Тогда сегодня. В семь часов вечера у Старой Башни. Без опозданий.

—Решили.— Улыбнулся я и поцеловал ее руку.

Поморщившись, девушка указала на дверь и с прищуром сказала:

— Очень надеюсь, что сегодня мне не придется снова укладывать вас в собственную кровать, мистер Кейн!

Про разрушенный город Ванамо я действительно слышал еще в детстве. Старшие пугали нас, что если мы послушаемся, то горящие камни упадут с неба и сотрут нас с лица земли. Как когда-то Ванамо. Никто в действительности не знал, правда это была или неправда. Следов, позволяющих дать оценку катастрофе, не осталось. Говорили, что стихия уничтожила все на своем пути. И даже сейчас, спустя большое количество прошедших лет, никто не мог сказать, а был ли Ванамо?

Я дошел до своей комнаты, и с удивлением обнаружил, что дверь распахнута, хотя прекрасно помнил, что закрывал ее. Или не закрывал? Чертовщина какая-то.

Усевшись в ботинках на скрипучую кровать, я раскрыл

свой ноутбук. Через пару мгновений на экране отобразился значок видео звонка, и я услышал до боли знакомый голос детства, а затем и любимую мной милую мордашку.

—Армаш, ну ты и засранец!— Воскликнула Рита и скорчила недовольную гримасу. Это была подруга моего детства, с которой меня связывали исключительно дружеские чувства. Пару лет назад мы с Ритой попали в одну жуткую историю, которая только укрепила нашу братскую связь.— Сколько можно ждать тебя, а?

—Ну ладно, не ругайся, — попытался успокоить я подругу. В гневе Рита была невыносима, но я все равно любил ее, как никого на свете.— Послушай, у меня к тебе дело. Можешь узнать кое-какую информацию?

—А, вот так, да?— Рита сердито откинула темные волосы назад.— Узнай как у меня дела для начала что ли, нет?

—Ритуль, ты жива здорова, я рад за тебя. Дело и правда важное. Жизни и смерти.

—Ладно. Чую я, вляпался уже куда-то без меня. Ну, задавай свой вопрос.

—Подруга, смотри. Пару лет назад мы с тобой искали информацию про один разрушенный город, помнишь?

—Армаш, ты опять?— Рита даже перестала жевать яблоко и чавкать на весь эфир.— Seriously, нет ты серьезно? С ума сошел?

—Да ну нет же, ты послушай...

— Нет, нет, нет, это ты послушай! Опять решил куда-то

влезть- я в этом не участвую, даже косвенно.— Сложила руки в крест Рита и закрыла лицо тетрадью.— Ничего не слышу.

— Да не мне это надо, дурья башка. Человек попросил.

— Армаш, ты...— Выругалась Рита и рассмеялась.— Уже и там бабу себе нашел? Молодец, наш пострел везде поспел!

— Лопухая, прекрати, ты...

— Я лопухая?!— Воткнулась Рита глазами в экран.— Армаш, приедешь-тебе конец. А теперь давай к делу. Если я правильно услышала, то разрушенный метеоритом город— это Ванамо. Но, поспешу тебя разочаровать, — Рита звучно надкусила яблоко.— От города осталась половина, остальная полностью ушла под землю.

— В смысле?

— Что в смысле?— Взмахнула руками Рита. — Что у нас выходит, когда падает метеорит?

— Ну...Яма.

— Браво.— Захлопала в ладоши Рита.— Если быть точнее, — снова надкусила фрукт девушка и продолжила с набитым ртом.— Кратерное поле.

— Иии?

— Армаш.— Снова выругалась Рита и скептически уставилась на меня.— Ну, кратер, вода.

— Озеро...— Прошептал я и задумался. Возможно ли, что бы на месте целого города выросло озеро? Хотя, по сути, и не целого совсем...

— Мда. Соображаешь ты по прежнему туго.— Сделала вы-

вод Рита.— Короче, на одной половине теперь город, на другой- озеро. Но какое-вообще никто не знает. Это все на уровне тарины, Кирюша.— Справившись с яблоком, Рита с меткостью баскетболиста швырнула огрызок в корзину.— Ну, вот как-то так. Я удовлетворила тебя, сладкий?— Отвратительно засмеялась подруга.

— Да уж, удовлетворительница.— Почесал я затылок. — Вопросов больше чем ответов.

—Кирилл.— Строго сказала Рита.— Обещай мне, ты никуда не полезешь. Серьезно. Хватит с нас. Мы свое отбегали.

— Нет, друг мой.— Вздохнул я.— Лазать я больше никуда не буду.— Саша до сих пор снится, чуть ли не каждую ночь.

—Хватит, Кирилл.— Перебила Рита и погрустнела.— Терзаешь себя, непонятно зачем. Всем воздастся. В гибели Саши виноваты мы все, это наш общий груз. Нам нужно прожить достойную жизнь. Тогда кое-кто сверху нам зачтет.

—Ага, конечно.— Хмыкнул я. — Пятерки поставит. Слушай, Рита, есть еще один вопрос. Может быть так, что бы я вот вчера еще хотел что-то вспомнить. Но не вспомнил, а наоборот, напрочь забыл.

— Ну, ахах, если сильно перебрать, плохо будешь вспоминать.— Рассмеялась Рита.— Много выпил вчера?

—Одну рюмку. Вроде бы.

—Ой, да, конечно. Ну, вообще нет, не бывает. От одной рюмки тем паче. Что, вообще ничего не помнишь?

—Женщину помню. Голос ее. И все.

—Ну, конечно, баб ты всегда помнил. Нет, Кирилл. Скорее всего, это крепкая выпивка.— Погрозила пальчиком Рита.— Друг, расслабься. Все хорошо, я рядом. Как у вас там с погодой вообще? Льет?

—Льет.— Грустно взглянул я в окно.— Тут вообще с погодой тарарам.

—Это все потому что меня рядом нет.— Гордо заявила Рита и рассмеялась.— И у нас льет. Такое вот, поганое лето. Ладно, побегу покорять новые вершины. Вечером что бы отчитался. Ну, или утром.— Похотливо улыбнулась Рита и помахала рукой. — Удачи, друг. Береги себя.

—Да, и ты себя. Пока.— Я закрыл ноутбук и лег на кровать, уставившись в потолок.

Когда я был маленьким, мне казалось, что забыть обиду просто. Что все проблемы решаются в два счета. Что взрослые все слишком усложняют. Теперь я понял, что ошибался.

Мой лучший друг погиб десять лет назад. По глупости. Из-за меня. Если бы я остановил его, Риту, и всех остальных, все было бы хорошо. Он бы закончил школу, пошел в армию. Окончил университет. Женился.

Но его нет. Остались я, Рита и куча воспоминаний, мертвый груз и крестик на груди. Его крестик. Напоминание о том, что это я. Я лишил своего друга жизни.

И это мое вечное проклятие.

Внезапно где-то сверху раздался глухой стук. Я резко вскочил с кровати, ступил на пол и тут же упал, схватившись

за голову.

«*Kyllä haudassa aikaа таата on, мистер Кейн!*»

«Ну, что же вы так, юноша?»

«*Мистер Кейн, Мистер Кейн, Мистер Кейн...*»

Воспоминания градом прошлись внутри меня. Почему я все забыл? Почему именно вчерашний вечер?

Стук повторился. С трудом справившись с собой, я пододвинул стол и влез на чердак, обнаружив там...

Человека в куртке с капюшоном, роющегося в тетрадах.

–Эй!– Крикнул я. –Я вам не помешаю, нет?– Ноги предательски дрожали. Человек не спеша поднялся и повернулся к окну.– Уважаемый!– Срывающимся голосом. Проговорил я. – Вы вообще кто?

Незнакомец едва слышно хмыкнул и начал медленно поворачиваться ко мне.

Не может быть.

Я смотрел в ее налитые кровью глаза. В них не было ни капли той красоты, которой я восхищался тогда, в юности, той изящности, утонченности и простоты. Была лишь злоба, граничащая с сумасшествием.

Это был совершенно другой человек.

«Увидимся еще, Кирюша». Прошептала она. «Ааа!!!».

От яростного крика и толчка я попятился и провалился назад, в комнату. Ударившись о спинку кровати, обмяк и лишился чувств.

Наступила темнота.

Во сне я видел пустыню, бескрайнюю. Мне казалось, что я слишком далек от того пути, который выбрал для себя. Единственного правильного. Какой он? Я решил, что буду идти по пустыне пешком, пока не достигну оазиса. Той крайней точки, через которую возвращаешься к своему правильному жизненному ритму.

Открыв глаза, я увидел перед собой бледно-синюю окраску обоев и маленькую люстру. А потом увидел ее. Она сидела за кухонным столом, сгорбившись, что-то шептала и записывала в крохотный блокнот. Тонкие, длинные пальцы аккуратно сжимали ручку; она поправляла распущенные темные волосы и с омерзительным треском грызла ногти. Ее взгляд выражал умиротворение и осеннюю печаль; я думал, что было бы очень здорово привыкнуть к этому грустному взгляду и окунаться в него ежесекундно.

Я ведь любил ее. Да, это неслыханно, но я ее любил, и мне казалось, что это случилось еще до нашего знакомства. Когда-то очень давно.

– С возвращением, Мистер Кейн. – проговорила она, не отрываясь от блокнота. Я лишь вздохнул и снова посмотрел на люстру. – Вы нас очень напугали.

– Негоже пугать таких красивых девушек. – Ответил я. – Мне кажется, мы куда-то собирались.

– Ну, при условии, что вы мне кое-что расскажете. – Под-

мигнула девушка, указав на меня ручкой.

—Мда, вот с этим беда.— Рассмеялся я. — В голове лишь встреча с вами и... Кажется, все.

— Так, ну ладно.— Незнакомка встала и открыла сервант с заварками для чая.— Вы знаете, ночевать у меня начинает входить в ваши планы на вечер, Мистер Кейн. Не сказать, что мне это не нравится, но происходит это все несколько необычно. — Она повернулась ко мне. — Как самочувствие?

—Ээм, ну вообще-хорошо.— Я приподнялся и посмотрел на девушку.— Только не помню ничего. Почти.

— Ммм, бывает.— Пожала плечами она и подошла ко мне, присев перед мной на стуле. Затем внимательно посмотрела в глаза и потрогала мою голову. Я улыбнулся.

— Если вы доктор- то самый прекрасный на свете.

— Сколько?

—Что, сколько?

— Пальцев сколько?

—Десять, на руках и на ногах, вчера вроде так было.

—Ммм, понятно. Короче, вчера вы сильно ударились головой. Немного ушибли ребра, но это не страшно...

— А вы бы согласились выйти за меня замуж?

—Кирилл. Я, — девушка опустила глаза.— Сейчас возьму вон ту вазу и устрою тебе третью потерю памяти, хочешь?

— О, мы уже знакомы?

— Знакомы. Если это так важно, меня зовут Аня.

— Очень приятно, Аня.

– Кирилл. – Не поднимая глаз, обратилась ко мне девушка. – Моя просьба, она действительно очень важная. Вы что-то узнали?

– Угу. – Я досадливо поморщился. – Только забыл, практически все, что было вчера.

– Ммм. Ладно. – Аня поднялась со стула и подошла к столу.

– А можно вопрос?

– Да, конечно, задавайте.

– Что вчера было? Мне и правда неудобно, что я оказался тут, у вас, не понимаю...

– Ну, во-первых, мы слышали чей-то крик, довольно громкий. – Потом вас нашли и очень долго обхаживали. Ви-ви, дочь мистера Ховалайнена, передала мне ампулу, и я сделала вам укол. Вы сразу успокоились и уснули, хотя до этого постоянно твердили в бреду «Женя, Женя...».

– Мда. – Почесал я голову. – Тайна, окутанная мраком. Ну, ладно, извините за беспокойство. – Я поднялся с кровати. – А сколько я проспал?

– Почти двое суток.

– Ааа?! – От удивления я вновь плюхнулся на кровать. – Обалдеть...

– Бывает. – Ответила Аня. – Вы можете остаться, Кирилл. До вечера. Я уйду на работу, здесь никого не будет.

– Нет, спасибо. – Покачал я головой и снова поднялся. – Нужно кое-что решить. Но... Почему именно у вас? У ми-

стера Ховалайнена мало других комнат? И, что мне вообще кололи?

— Ну, уколы колоть здесь никто кроме меня никто больше не умеет. Вас перенесли сюда под мое чутко наблюдение. Как-то так.

— Понятно. — Кивнул я и протянул руку девушке. — Спасибо, Аня.

— Будьте осторожны, Кирилл. — Она пожала мою руку, но я не спешил ее отпускать.

— У старой колокольни в семь. Хочу реабилитироваться в ваших глазах. — Я поцеловал девушке руку и поспешил к выходу.

— Подождите! — Окликнула меня Аня, я обернулся, на лету поймав ключи от комнаты. — Оставайтесь здесь. Так будет безопаснее. — Схватив сумку, она обогнала меня и уже на лестнице крикнула, выйдя на улицу: — Берегите себя!

Я улыбнулся, но в этот момент резкая боль будто бы разрубила голову топором.

«Береги себя, друг...»

«Ваанамо...»

«Кирюша...»

«Ваанамо, метеорит, кратер...»

«Увидимся... Кирюша...»

«Kyllä haudassa aika ajoin, мистер Кейн!»

Я схватился за голову от скорости мелькающих кадров в голове, воспоминаний, которых я совсем не помнил. Дикое

ощущение потери реальности не оставляло в покое. Нужно было что-то делать.

Закрыв комнату на ключ, я двинулся в сторону своего сектора.

Вам когда-нибудь хотелось оказаться внизу, в самом темном углу заброшенного здания? Там, где лет тридцать не ступала нога человека, повсюду паутина, сырость, полная темнота и внезапные вспышки света, откуда-то издали? Наверное, нет, не хотелось бы.

В моем детстве не было электронных игрушек, компьютеров и прочего. Зато был маленький северный поселок и куча неизведанных мест, оставшихся брошенными после развала огромной страны. Куча тайн в подземельях, куда нормальному человеку не пришло бы в голову идти даже в самых страшных кошмарах.

Нас не пугали холод, сырость и тьма. Нас не пугали родители, которым ох как не нравились наши ночные забавы. Нам нравилось чувствовать страх, идти вниз, в темноту, в неизведанное. Крушить, ломать все на своем пути и достигать того, чем можно будет гордиться в старости. Мы безбашенными, по своему глупыми; нас не страшило ничего, кроме боязни в один день расстаться друг с другом. Мы были силой. Единою. Мы облазили все, что можно, кроме самого таинственного и страшного места в селении.

Метро.

Никогда и никто не рассказывал нам, как оно появилось рядом с поселком. Никто не мог объяснить, почему из-за закрытых дверей брошенного здания пробивается свет и тем более никто, даже самые смелые смельчаки, никогда не решились даже близко подходить к нему. Та тайна, которую скрывало заброшенное метро, пугало решительно всех.

Я могу с уверенностью сказать, что в детстве, во время ночных прогулок, меня частенько посещала мысль подойти ближе и узнать, что же там, за закрытыми, дверьми полуразрушенного здания? Вопрос, откуда оно в этих краях вообще взялось не давал мне уснуть. Метро манило меня светом, который освещал едва ли не весь въезд в поселок, своей загадкой, тайной, которую я непременно должен был разгадать...

Наконец, я решился. Не мог больше терпеть, ждать, пока остальные поддержат меня. И вот, холодной осенней ночью, когда снег уже вот – вот выпадет, я взял в руки фонарь, рюкзак, оделся/обулся и отправился на тот берег реки. Оно лежало там, да. На самом краю земли, куда не ступала нога человека. Страшно ли было? Нет, не страшно. Тайна, к разгадке которой я был близок как никогда, манила ярким светом, который регулярно освещал въезд в поселок.

Я помню лица друзей, которые все-таки пошли за мной. Каким-то чудом узнав про мою затею, они уже ждали меня у дверей полуразрушенного входа в метро.

– Это что за дела? Мы так не договаривались! – Я развел руками. – Я вообще один собирался!

– Нет, ну посмотрите на него, один он собирался! – Согревая руки дыханием, прокричал Саша. – Нормально вообще?

– Козел он, ага, да! – Протяжно крикнула Рита. – Понимаешь, мы тут с Женьком забились, через сколько ты сюда свою задницу притащишь, так вот я проиграла! Слышишь, Женек, вставай, попу отморозишь!

– Угу, я вообще больше не встану... – Натягивая шарф на лицо, проговорила Женя. Она была самая младшая и хрупкая из нас; рано потерявшая родителей, Лесницкая одно время жила у бабушки, а потом у двоюродной тетки. Та совершенно не стеснялась частенько бить девочку. Жизненные трудности не сломали нашу хрупкую подругу: к шестнадцати годам она уже входила в список кандидатов в мастера спорта по художественной гимнастике и обеспечивала себя сама.

Увы, после нашей последней вылазки жизнь Евгении Лесницкой круто изменится, как впрочем, судьба каждого из нас.

– Ну, чего мы ляды точить будем, или пойдем уже? – Жадно впились в меня глаза лучшего друга. – Ну?!

– Ну, вообще я один хотел, потому что это очень опасно. Подвергать вашу жизнь опасности я не хочу. Вы мои друзья, я вас очень люблю.

– Вы мои друзья, я вас очень люблю. – В один голос передразнили меня Рита с Женей. – Пошли, давай! Ну, идешь?!

– Не уважаешь? – Хитро прищурился Саша. – Смотри тогда, одни пойдем. Пошли, ребята. – Он резко вскочил, подо-

шел к дверям, за которыми тут же скрылся. Обратного пути не было.

—Ладно, черт с вами!— мы дружно вошли в здание полуразрушенного метрополитена.

И я помнил. Сейчас, всегда, их лица, не мог спокойно спать уже много лет от ощущения, что это я привел их туда. Туда, откуда они не вернулись. Это была страшная точка не возврата, через которую мы не смогли перешагнуть.

Та лунная ночь, так круто изменившая нашу жизнь, стала одной их последних для моего друга детства.

*"...Nukuta, jurmala, lasta,
Makauta marianen ..."*

Остановившись перед дверью, я закрыл глаза и прислушался. За нею пел женский голос, красивый, нежный, который я, определенно, где-то уже слышал. Я осторожно толкнул дверь и шагнул в свое крыло общежития.

Голос, такой проникновенный, звучал откуда-то из глубины, из чьей-то комнаты. Девушка, или женщина, заводила мелодию, от которой мурашки бежали по телу, и это все — пустой коридор, ветер за окном, неизвестно откуда льющаяся песня, это все будто бы происходило в кошмарном, ужасном сне, когда хочется скорее проснуться, но не получается.

И ты медленно шагаешь по темному помещению, на звуки чудесного голоса, будто бы прекрасная Сирена привлекает тебя в свои сети, а ты все равно идешь. Скрипнет половица под ногой, а вокруг тишина. И только голос, влекущий и сладкий, как колыбельная. Ты толкаешь дверь, вот уже в своей комнате, и с ужасом понимаешь, что песня шла именно оттуда. Откуда-то с чердака.

Девушка вздохнула и замолкла. Я оглянулся. Дверь, через которую я вошел в крыло, была плотно закрыта. А я ее не закрывал.

В моей комнате, с момента последнего в ней пребывания ничего не изменилось. Немного смятая постель, приоткрытые занавески. Отсутствующая крышка люка. Усевшись на кровать в уличной одежде, ботинках, и попытался восстановить былое. Ну, пока я еще хоть что-то помнил.

Я приехал в Инкери вчера днем. На вокзале меня встретил гражданин ИКС- Терский, который и привел к себе, сюда. Не взяв с меня ни копейки. Первого встречного человека. Откровенный деляга так бы не поступил. Но ИКС так и сделал, а потом пропал, по крайней мере, больше я его не видел.

Мистер ИКС- Ховалайнен, тоже «фрукт» довольно странный, не говоря уже о Ханне, Микке, Виви, Ане. С ее умением делать уколы. Я поискал глазами какое-нибудь подобие урна – логично было предположить, что если кололи здесь, то должна была остаться ампула.

Тщетно.

Разговоры. Я не помнил точно, говорил ли с кем-то. Были лишь один способ проверить это, но и он бесследно пропал. Ноутбука нигде не оказалось.

Ну и опять же голос. Это все было явно подстроенным спектаклем, в расчете на то, что я испугаюсь и уберусь из города. Меня усердно пытались свести с ума, и я это отчетливо понял.

Остановившись посреди комнаты, я посмотрел вверх. Неслучайно меня поселили именно здесь, хотя в общежитии Ховалайнена больше двадцати комнат. Но меня заселили сюда. В помещение с открытым люком и видом на озеро.

"...Kuro kiisan silmat kiini

Anna unta aamuun asti..."

Я замер. Да, голос, тот же, мелодия колыбельной снова донеслась сверху. Сердце бешено колотилось, но никогда не позволило бы уйти просто так. Пододвинув стол, я поднялся вверх.

На подоконнике, в дальнем углу чердака, расположился крохотный магнитофон. Его размеры не мешали раздавать волны едва ли не на все крыло. Хотя, кроме меня он вроде бы никого больше не напугал. Я подошел к аппарату и уже хотел выключить, когда из динамиков раздался шипящий женский голос:

– Pimeanarka....Pimeanarka...Peiko...Olla pelloissaan, mahtava, tutista pelosta, kammoksuttaa...– Свист и шипение ненадолго прекратились.– Aave...– Прошептала девушка и

замолчала.— Nyt helvettin taalta!!!— Закричала она так громко и неожиданно, что я отпрянул от приемника, а затем что есть силы треснул по кнопке. Еще раз осмотрев аппарат, я извлек кассету и положил в карман. Нужно показать человеку, который понимает по-фински.

Я оглянулся и осмотрел чердак. Никаких следов чужака здесь не было. Вот здесь когда-то стояла кровать-следы на полу. Здесь — шкаф, так как пыль неравномерным слоем лежала на деревянной стене. Зачем кому-то было нужно сесть на чердаке, когда есть отличная комната внизу?

Между слоем пыли и брусом я разглядел какую-то надпись. Нагнувшись, очистил пальцем недостающую часть картинки. Какие-то странные символы, похожие на формулы. Сложные геометрические формулы.

—Сложно, правда?— Я вздрогнул и обернулся.

Она была спокойна, незыблема, будто бы и пару часов назад находилась здесь. Ее темные волосы укрывал капюшон, светлые ботинки испачкались в грязи. Она не смотрела на меня, а отсутствующим взглядом уставилась в угол.

— Ты... Оторопело произнес я и поднялся. — Считаешь, что это смешно?!

— Ха-ха!— Коварным смехом рассмеялась она и посмотрела на меня.— Помнишь наши прогулки, Кирилл? Метро, лес? Было здорово, правда?— Она поднялась и прошла вдоль стены, я отошел вправо, так мы поменялись местами — она оказалась у окна, я — вновь у люка.

– Все в прошлом!– Крикнул я.– Откуда ты вообще здесь взялась? Зачем?

– Ха-ха, Кирюша, терпение. – Ее глаза блеснули огоньком. – Подожди немного. Такой нетерпеливый – Она улыбнулась, поджав губы. – Peiko. Aave. Pimeys. До скорой встречи, Кирилл.– Девушка быстро открыла окно и прыгнула вниз. Шарахнув кулаком от досады, я спустился вниз, и какими-то не человечески быстрыми шагами достиг комнаты мистера Ховалайнена. После моих чудовищных стуков дверь едва не вылетела с петель.

Через минуту на пороге появился заспанный хозяин общежития.

– Мистер Кейн?– Оглядел он меня с головы до ног.– Что случилось? Вас что, преследовал призрак? Aave? Чем могу помочь?

– Кто жил на моем чердаке?– воскликнул я, ошарашив пожилого финна.

– А почему вы спрашиваете?

– Потому что этот кто-то мешает мне спокойно отдыхать. Ну?!

– Послушайте, мистер Кейн...

– Кирилл.

– Хорошо, пусть будет так. Понимаете, это довольно сложный вопрос. Давайте мы сядем, выпьем, я вам все расскажу.

– Угу. Хорошо.– Я прошел в комнату и сел на кресло.– Я

вас слушаю.

– Ага.– Хрюкнул Мистер Ховалайнен и уселся напротив. – Тогда отведайте моей настоечки, вчера сделал.

– Мистер Ховалайнен. Мне сейчас важно знать только одно, поймите меня, этот человек – мой старый знакомый. И вот он появляется здесь, у меня под носом, хотя мы не виделись сто лет. Не хочу вас пугать, но мозгов этого человека хватит что бы свести с ума на всех, понимаете? Нам всем угрожает опасность.

– Вы истинный оратор, Кирилл Александрович.– Ховалайнен развел руками.– Ну, ладно, давайте к делу. Да, пару лет назад на чердаке вашей комнаты жила одна дама, я уже не помню сколько, но помню, что звали ее, кажется, Лера, и было от роду ей лет семнадцать, не больше.– Финн вновь хрюкнул и посмотрел куда-то выше моего плеча.– Ага. Ну, так вот, дама та ничем не привлекала, жила себе и жила, но остались после нее странные записи, которые пугали посетителей. Никто там жить не хотел. А, между прочим, зря, отличная комната.

– Ложь.– Раскачиваясь в кресле, протянул я и схватил со стола курительную трубку.

– Нет, ну почему же, нет. – Округлил глаза мистер Ховалайнен.– Ну, паспорт я ее не смотрел, она внесла залог, а потом просто пропала, и все.

– Ясенько. – Я повертел трубку и увидел позолоченную надпись: «Михаилу Григорьеву. Прекрасному специалисту и

хорошему человеку», затем украдкой взглянул на собеседника. Кажется, он не обратил внимания на мою находку.

— Ну, если вы считаете, что я вру, то...

— Увы, считаю.— Я поднялся и посмотрел в глаза финну.— И совершенно напрасно. Знаете, мистер Паасо Ховалайнен, еще вчера я пил с вами, а сегодня вы так нагло мне врете, и зря надеетесь, что я просто так отсюда уеду. —Я вышел за дверь, оставив финна одного.

«Разве что тебя увезут». Проговорил на безупречном русском мистер Ховалайнен, затем послышались его быстрые шаги. Щелкнула цепочка.

Часы на старой башне пробили ровно семь вечера. На город медленно опускались сумерки, я разборчиво видел перед собой людей, не видевших кроме себя никого вокруг. Город на краю, город людского отчуждения, предоставляющий тебе возможность познать собственное достоинство и спросить у самого себя, кто же ты? И что тебе нужно.

— Оп! — Аня подошла ко мне сзади и прикрыла глаза руками.

Я знал, что она придет. Что обнимет, прикоснется. Чувствовал, еще до ее прихода. Ждал, и думал, что буду говорить, как буду отвечать. Ощущал ее прикосновения, теплые, ласковые, я будто бы был с ней, уже тогда, в каком-то другом, ином мире.

И вот она прикоснулась ко мне, а я дотронулся до нее, нежно, бережно, как до чего-то очень дорогого. И понял, что влюблен, безудержно. Этот человек мне было особенно дорог.

—Ммм.— Я развернулся и посмотрел на нее ласково.— Думал не придешь уже.

— Да дела, все дела. — Она рассмеялась и взяла меня за руку. — Эээ, короче, у меня небольшой сюрприз.

— Да, и какой же?

— Ну, в общем, мы не пойдем, а поедем. — Аня отошла от меня и раскинула руки в стороны.— Полетим и помчимся.— Она тряхнула головой и взяла меня за руку.— Вот на этом.

Аня махнула рукой в сторону цветочного магазина, где аккуратно расположилась «Vespa» — крохотный мопед-мотоцикл, на котором нам и предстояло прокатиться по мраморному городу.

—Хо-хо, ничего себе! — Подскочил я к мопеду и схватился за руль.— Чур, я за веду!

— Совсем что ли, это мой мопед!

— Ха-ха, а ты догони! — Я уселся на Веспу.

— Шутник, блин.— Аня подсела сзади и обняла меня за плечи.— Ну, давай, рули, раз начал, только дорогу буду я показывать, уж простите.

Ну, тогда держись!— Я вдавил педаль газа до упора и понесся по улице, распугивая прохожих.

— Армаш!!! Кирилл!!!— Кричала Аня, мертвой хваткой

вцепившись в меня.— Кирилл, здесь нельзя так ездить, нас арестуют, Кирилл, тебя посадят в финскую тюрьму, а потом отправят домой!!!

— Не бойся прорвемся! — Я свернул в переулок и выехал на менее оживленную улицу. Здесь пошли цветные дома и брусчатка, узкие улицы. Невозможно было представить, что в мраморном Инкери может существовать такая красота.

— Все, тормози. — Хлопнула меня по плечу Аня. — По улице Тойвонена нужно идти пешком.

—Вообще его называют Бульвар Хризантем, ну или улица Пятой Хризантемы. — Сказала Анна, когда мы уж шагали по улице.— По легенде, один известный музыкант из Финляндии подарил невесте хризантему, и она влюбилась в него по уши. Тогда он решил дарить ей эти цветы каждый месяц, и вот на пятый раз она сказала ему, что беременна. Закатил такой пир, что...— Она улыбнулась. — До сих пор не могут забыть.

— Красиво. — Я посмотрел на Аню, которая выглядела действительно счастливым человеком. Солнце, так вовремя выглянувшее к нашей встрече, играло в ее волосах и ослепляло лицо.

— Знаешь, на самом деле, Инкери — волшебный город. Здесь бывает грустно, но это все позволяет понять, что тебе нужно от жизни. Бывает очень холодно, жарко, улицы все разные, разные люди, погода, но эти контрасты, они как

жизнь – черное – белое, черное – белое.– Она остановилась и внимательно на меня посмотрела.– Ты не зря приехал, Кирилл.

– Думаешь? – Я улыбнулся.

– Определенно. – Ответила Аня, кивнув, и улыбнувшись в ответ.

–Я, когда приехал, все показалось скучным, мрачным. Только люди какие-то не такие, Ханна, Микка, Паасо...

– Есть категория людей, которые не похожи на других. – Мы двинулись дальше. – Я живу в Инкери очень давно, но таких как они не встречала. Особенные, каждый по – своему. Микка, между прочим, здорово поет, да, раньше мы его заслушивались.

– Серьезно? – Удивленно спросил я.

– Вот хоть верь, хоть нет. Раньше вообще все было по-другому.

– Почему все изменилось?

– Вот так вот все получилось. – Аня грустно вздохнула и присела на лавочку. – Месяц назад я уехала из Инкери, потом вернулась и не узнала их. Они как будто были напуганы. Ладно. – Она хлопнула меня по колену. – Чего мы обо мне да обо мне. Рассказывай. Чем занимался, как рос? По порядку, и с пристрастием.

– Да чего рассказывать. – Опустив голову, ответил я.– Отца не было, мать вкалывала. На пустыре бегал, с друзьями мяч гонял. Потом увлекся исследованием заброшенных зда-

ний, потом приехал сюда. Вот, собственно говоря, и все.

– Мда, далеко ты по тоннелю забрел. Прямо по жизни retkeilijä¹². У меня, на самом деле, та же картина. Родителей не помню, вырастила бабушка, росла с парнями, пила, курила, бутылки била. Потом вроде бы одумалась. Вот так и живем. – Аня дотронулась до носа. – В одно время это все надоело, знаешь, вот это однообразие. Взяла и уехала. Потом вернулась, соскучилась. Когда живешь тут, бесит, все, это спокойствие, а потом уезжаешь и понимаешь, что Инкери – он в сердце, вот здесь, в душе. Понимаешь, он такой, каким ты его выберешь, и все тут. Здесь есть все что нужно, но...

– Но настоящая жизнь – за пределами этого прекрасного города. – Закончил я за нее.

– Ну, в какой-то степени да. Пойдем. – Она ласково улыбнулась и взяла меня за руку. Хочу показать одно место.

Мы миновали Бульвар Хризантем и вышли к пустырю. Отсюда уже открывался вид на озеро и его набережную, скрытую множеством построек на пути к ней. Там, внизу, лазурной синевой раскинулось невероятной красоты Туманное Озеро. Оно отражалось в окнах домов, расположенных недалеко от воды, на спуске. Мне казалось, я попал в сказку, где вода светилась в лучах уходящего солнца, а рядом стояла самая чудесная девушка на свете.

– Я часто приходила сюда. В детстве. – Аня указала рукой. – На полянку.

¹² Турист

Я сжал ее руку и обнял за плечи. Она посмотрела на меня грустным взглядом, и, не сказав ни слова, зашагала вниз... Не отпуская мою руку.

— Подожди... Ты уверена? — Я на мгновение остановился. Аня взглянула наверх, потом куда-то в сторону, затем молча кивнула.

Мы прошли вдоль деревьев, и вышли к самому озеру. За мощными кронами, здесь действительно скрывалась небольшая полянка, как место уединения для ищущих покой и уют.

— Ммм, даже место для посадки есть.— Я уселся на сваленную березу и поискал глазами Аню. Она подошла к воде и дотронулась до озерной глади, и, поднявшись, еще долго вглядывалась в бесконечную даль. В ее глазах мелькнула тень воспоминаний.

Я поднялся и подошел к ней, обняв сзади. Аня вздохнула и крепко сжала мои ладони.

—Кирилл.

—Ммм?

— Мне очень... Хорошо. Сейчас. Здесь. А знаешь, чего я хочу? — Она повернулась ко мне и вновь взяла за руки, перейдя на шепот.

— Чего же? — Улыбнулся я, опустив голову поближе к Ане.

— Что бы ты был рядом, как можно чаще.— Сказала она, глядя мне прямо в глаза. — А сейчас просто не отпускаяй и ничего не спрашивай. — Она приблизилась ко мне, и мы слились в едином поцелуе, в котором сошлись и утаенные страсти,

неудавшиеся отношения, усталость, и, конечно же, любовь, двух одиноких сердец, наконец-то нашедших друг друга.

– Я предлагаю тост! – Крикнула Аня, когда мы уже возвращались к общежитию. В ее руках блеснула бутылка недо-
рогого ликера, наспех надетый шлем съехал в бок и выгля-
дел комично. – За молодых!

– А, то есть, за нас? – Указал я на себя, споткнулся и упал
на Веспу, которую катил за собой. – Магнитные бури.

– Мой хороший, вставай, вставай, я сейчас. – Аня кину-
лась ко мне, но запуталась в собственных ногах и плюхну-
лась рядом. Я обнял ее и прижал к себе, отпив из бутылки.
Вот так мы и лежали посреди ночи, под светом единствен-
ного фонаря на улице Тойвонена

– Кхе-кхе, да! – Аня кивнула. – За нас! За тебя, мой хоро-
ший! – Она поцеловала меня и вдруг резко вскочила. – Так,
все! Пошли! Вставай, давай, давай! – Аня двинулась к горо-
ду, раскачиваясь из стороны в сторону. – Держись, Инкери,
мы идем! – Закричала она, оглашая спящую улицу. Я с тру-
дом поднялся, зацепил «Веспу» и двинулся следом.

– Подожди! Любимая!

– А знаешь, мой сладкий, – уже у общежития Аня прижа-
ла меня к себе и принялась яростно целовать. – Хочу, чтобы
сегодня ты остался у меня, хм, да да да...

—Ммм, прекрасно, но мне еще нужно кое-что забрать из комнаты...

— Ну, тогда я тебя жду. — Отправив мне воздушный поцелуй, Аня скрылась в своем крыле.

Я, стараясь не шуметь, уже хотел подняться на свой этаж, когда мое внимание привлек шум из комнаты мистера Ховалайнена. Я отчетливо услышал голос женщины, и, кажется, это была Ханна.

— Мы не можем ему все рассказать, ты вообще понимаешь, что будет? — Я аккуратно пристроился возле двери. Говорил финн, причем на чистейшем русском языке.

— Миша, мы больше не можем так жить, это все равно закончится. — Ханна всхлипнула. Ее русский язык оставлял приятное впечатление.

— Ну, ну, пойми ты. Она нам ничем не поможет. Ну, кто он?

— Он — чужой, а значит, в его силах что-то исправить. Миша. Давай мы просто ему все расскажем. Это наш последний шанс.

Наступило молчание. Были слышны шаги. Ховалайнен нервно вздохнул.

— Он и так все узнает. Этот парень слишком сообразителен, и с ним не будет легко. Мне его жалко, но он впутался в это не сегодня. — Нарушил молчание Паасо.

– Миша. Мы умрем. Ты понимаешь, нас все равно убьют, Не пощадят никого, и мы вернемся откуда пришли. А он – наша надежда, и мы не можем ее упустить.

– Дорогая, если ты хоть сейчас пойдешь, и все ему расскажешь, да, мы умрем, все, мы часу не проживем, ты это понимаешь? – Ховалайнен зашелся кашлем. – Нужно просто немного подождать. Скоро все закончится, родная. Скоро. «Склепу» конец, это уже и так понятно. Все, утро вечера мудренее.

Я сполз по стенке, полный недоумения. Михаил, Ханна... Конечно, речь шла обо мне, но на русском языке, и...

Я тряхнул головой и побрел в сторону Аниного крыла.

Я толкнул дверь, но девушки в комнате не было.

– Мой тигр. – Вынырнула Аня и обвилась вокруг меня. – Я заждалась, почему так долго? – Целуя, проговорила она. – Все хорошо?

– Угу. Отлично.

– Ну, вот и чудесно. – Аня притянула меня к себе и выключила ночник.

За окном зарядил дождь. Я проснулся в начале девятого, и обнаружил, что Ани рядом уже нет. Записка на столе призывала хорошо позавтракать и набраться сил к вечеру, а пока слушать радио и наслаждаться типичной для Инкери по-

годой. Я поднялся и включил приемник, из динамиков которого послышался бодрый голос моего любимого человека:

«Доброе утро, я знаю, что ты не проснешься раньше десяти, но, если я не угадаю, то прошу меня не ругать, интуиция не мой конек! Короче, я убежала на работу, буду в начале пятого, оставила завтрак, надеюсь там все, что тебе понравится. И самое главное – не ешь салмиакки, для нового человека это гадость страшная, но потом привыкнешь. Целую обнимаю, пока – пока!»

Я улыбнулся и подошел к столу. Да, «овсянка, сэр!» и пара мандаринов были явно не пределом моих мечтаний. Забросив в рот темный шоколад, я тут же выплюнул его, страшно ругаясь и заливая рот водой. Салмиакки пока не входил в топ моих блюд. Накинув ветровку, я решил немного пробежаться по городу. Ликер, конечно, был не самый сильный, но последствия его были ощущались.

Итак, мистер Ховалайнен никакой не Ховалайнен, на трубке написано – Михаил Григорьев. Еще понятно одно – этот человек прекрасно осведомлен обо мне, ну, откуда, например, ему знать мое отчество, когда...

Я резко остановился и выдернул наушники из ушей. Аня. Знает меня всего два дня, но вчера, на мопеде, она называла меня по фамилии.

Ханна, Микка, Виви. Все прекрасно говорят по – русски, на запястьях Ханны – рубцы, Микка не похож на музыканта, Виви вообще темный лес. Человек на чердаке и странные

геометрические формулы.

Мой взгляд упал на сидящую на камнях у памятника моряку девушку. Она не смотрела на проходящих мимо людей, ее глаза, синие, как воды Туманного Озера, устремились вниз, на собственные руки, на которые она взидала с огромным удивлением. Ее одежду давно не касались ни уют, ни хороший порошок, светлые волосы торчали лохмотьями, будто бы их не расчесывали вечность.

—Простите, — я присел перед ней на корточки. — Я могу вам чем-то помочь?

Голова девушки медленно развернулась ко мне, и высохшие губы прошептали:

—Папа...

—Что?

—Домой... Мне нужно домой...— Она попыталась подняться, но тут же рухнула, как подкошенная.

— Вам надо в больницу...— Подхватил я ее.

— Нет!!!— Ожила она и умоляюще взглянула на меня, схватив за воротник куртки. — Пожалуйста, не надо в больницу, они... Они най...най...— Девушка ловила ртом воздух, а затем упала без чувств.

— Эй, парень! — Меня окликнул светловолосый молодой человек, проходивший мимо.

— Чего там у тебя?

— Да вот, сознание потеряла...

— Так, сейчас посмотрим. Ну-ка, приподними ее. Да ну

чего ты, в самом деле, врач я, врач. — Светловолосый бегло осмотрел незнакомку и поднялся. — Чего сказать, в больницу надо. — Он извлек телефон. — Жуткое истощение и синяков куча.

— Погоди. — Я нагнулся и осмотрел руки незнакомки. Рубцы... На обеих кистях, примерно такой же формы, как у Ханны. Поймав мой взгляд, светловолосый задумался и почесал затылок.

— Забавно выходит. — Сказал он и внимательно посмотрел на меня. — Чего думаешь?

— Ну... В больницу она не хотела. Вообще сказала, что ее найдут.

— Угу. — Парень украдкой взглянул из-за плеча на толпу зевак, уже собравшихся возле памятника. — Так, расходимся. Врач я, отвезу ее в больницу. — Он с легкостью поднял девушку и понес к машине. — Пойдем.

Отъехав на черном джипе «Чероки» метров триста, светловолосый завернул в переулок и остановился.

— Ну и? — Парень кивнул на девушку.

— На кистях у нее... Рубцы.

— Это я заметил.

— Просто я видел человека с точно такими же следами...

И вела она себя не менее странно.

— Угу. То есть ты считаешь, что в больницу ей нельзя?

— Думаю, что нет. — Кивнул я. — По крайней мере, пока она в сознание не придет.

– Угу. – Парень завел автомобиль и направился к выезду из города, к центральному мосту Инкери. – Прокатимся.

Минут через тридцать мы выехали к маленькому домику на берегу Туманного Озера.

– Ну и чего мы тут забыли? – Я вышел вслед за светловолосым молодым человеком, который направился к домику. Он лишь молча нес на руках девушку, которая все сильнее бледнела. Оставив ее в доме, врач подошел ко мне и закурил.

– Ммм. Первый раз в жизни вижу врача, который курит. – Связвил я.

– В жизни и не то бывает. – Кивнул доктор и направился к берегу Озера. – В общем, так. Можешь считать, что ты меня уговорил не везти ее в больницу. Но почему, я так и не понял. В этом доме есть все необходимое оборудование. Думаю, через пару суток она очнется. Тогда все и узнаем. Савуку?

– Бывает. – Я затянулся, но тут же закашлялся и отбросил сигарету. – Вообще меня Кирилл зовут.

– Денис. – Доктор протянул руку. – Мне кажется, мы с тобой влипли в очень неприятную историю, Кирилл. – Денис вновь затянулся. – И последствия ее мы еще узнаем.

– Ну, я тут два дня, а странностей на целый роман. Никак разобраться не могу, что происходит. – А ты вообще уверен, что ее здесь не найдут?

Денис затушил окурок и поманил меня за собой.

Предо мной предстала обычная русская изба, с печкой, столом и стульями, старыми обоями и занавесками, а самое главное, умопомрачительным запахом древесины. Таинственной незнакомки я не обнаружил.

– А где...

– Немного терпения, мой новый друг. – Денис наклонился и сдернул коврик дня ног, под которым оказался небольших размеров люк, почти такой же, как и на моем чердаке.

– Подвал?

– Не совсем. – Доктор первым спустился внутрь. – Мое пристанище уединения. – Идем.

Я спустился в подвал и обомлел. Передо мной открылись три двери. Доктор -Денис вошел в ту, что слева, и аккуратно прикрыл ее за собой. Щелкнул выключатель, и я оказался в самой обычной комнате, где пахло скорее уютным домом, чем полуподвальным помещением. Светлые бежевые обои, стол, телевизор, компьютер и широкая кровать, на которой и расположилась наша новая знакомая.

– Вижу, впечатляет. Ну, теперь мне придется тебя убить. Шучу. – Денис уселся на кровать, рядом с девушкой. – Когда она придет в себя, кто-то должен быть рядом. Я понятия не имею, что произошло с ней, но похоже ей очень нужна помощь. Поэтому мы теперь с тобой в одной упряжке, Кирилл. Нет, ты, конечно, можешь отказаться...

– Что ты собираешься делать?

– Для начала прокапаю капельницу. Питательные вещества. Судя по состоянию, она не ела и не пила... Дня три.

– Обалдеть...

– Ну, это в лучшем случае. Такие рубцы, он указал на кисти рук девушки. – Это веревки, причем довольно крепкие. А вот здесь, – Денис задрал штанину джинс незнакомки, – Это уже цепи, друг мой. Вот как-то так.

– Если бы хотя бы имя ее знать... – Проговорил я задумчиво.

– Угу, и адрес проживания. – Денис подошел к раковине и сполоснул руки. – Сегодня ночью я, завтра дежуришь ты.

– Угу. Тогда я поехал.

– Давай. – Ответил Денис, не оборачиваясь. – А, стой, погожди.

– Да?

– Слушай, приедешь завтра утром... Возьми мне салмиакки.

Обратно в Инкери я добирался поездом, на маленьком подобии электрички. Смотрел в окно, на непоколебимое спокойствие Туманного Озера, а из головы не выходила девушка, которая осталась на попечение доктора-Дениса, которого я совсем не знал. И незнакомку эту тоже. Хотя, в какой-то момент показалось, что я где-то ее уже видел.

– О-па, какие люди!– Возле меня остановился какой-то мужчина лет сорока, может больше.– Ничего себе! А мы тебя ждали!

– Простите, я... Не понимаю.

– Ну да, конечно!– Радостно развел он руками.– Не понимает он, ага! Так ты когда год назад уехал, никто ничего не понял, ха-ха!

– Подожди...– Я попытался встать, но адская боль так сильно ударила в затылок, что присел обратно и схватился за голову, не в силах открыть глаза. Он продолжал что-то говорить, но я не слышал, – в мозгу, словно в закрытом трансформаторе, одно за другим, застрочили воспоминания.

– Давай, сюда!– Та незнакомка, которую я видел с утра, стояла напротив меня и активно махала руками. На ней были спортивные шорты, волосы убраны в хвост. Я же находился по другую сторону волейбольной сетки и сжимал в руках мяч. Судя по погоде, на дворе стоял август, – к воде уже почти никто не шел.

– Ну давай же, молодежь!– Скомандовал мужчина лет сорока пяти, сидящий рядом, на песке.– А то чего-то вяло у вас, не идет игра.

– Сейчас пойдет, остальные подтянутся, и начнем.– Мои глаза азартно блеснули.– Ооо, вас за смертью посылать!

Она подошла и обняла меня... Аня. Да, это была она. Только без привычной сейчас грусти в глазах.

– Ну, очереди, дела, все дела.– Аня приобняла меня за шею

и поцеловала. Парня, подошедшего с ней, я не знал, но его глаза запомнил навсегда, – когда-то они обожгли меня злобой, и это я помнил.

– Да, жара. – Он отхлебнул из бутылки и посмотрел на блондинку-незнакомку. – КМС, а КМС, а ты чего не купаешься? Хватку теряешь?

– Слушай, Ильин, чего ты пристаешь к человеку, вообще играть собирались! – Рывнула на него моя возлюбленная.

– Все, все, молчу. – Поднял руки вверх парень и снова повернулся к блондинке. – Лариса! – Вычурно крикнул он. – Окажи честь принять меня в свою команду!

– Ну что, идем играть? Да, мой тигр? Тигр... Тигр... Тигр...

Я открыл глаза и вернулся в реальность. Незнакомца уже не было.

Господи, да что со мной, мне кто-нибудь объяснит? Я же всех их знаю, но откуда? Почему я не могу ничего и никого вспомнить?

– Алло.

– Да, любимый?

– Нам нужно встретиться. Прямо сейчас.

– Что-то случилось? – Обеспокоенно спросила Аня.

– Угу. И по ходу, что-то очень страшное.

– Я сейчас не могу, давай постараюсь вырваться и встретимся через часик – полтора, хорошо?

– Угу. Я жду тебя в комнате.

– Пока.

Я вернулся в комнату и улегся на кровать. Сумасшедший круговорот событий разрывал голову. Никаких догадок. Я помнил все моменты своей жизни. Почти каждое мгновение, но этих людей, Аню, блондинку-незнакомку, никогда и нигде не встречал, и отчетливо это осознавал. Только эти воспоминания. Пляж. Солнце. Волейбол. Дикой болью отдавались в голове.

И опять Аня. Я не мог понять, кто она для меня? Любимая? Враг, друг, ангел-хранитель? Вчера был один из лучших дней в моей жизни, ну а сегодня я прекрасно все помнил. Тогда как предыдущие двое суток забыл почти напрочь.

– Алло, Денис?

– Денис, Денис... Не знаю такого.

– Ммм. Все шутишь.

– Нет, просто сюда лучше не звонить, мало ли.

– Понятно. Есть дело.

– Какие проблемы, приезжай, дорогу знаешь.

– Я кое-что узнал, приеду ночью. Если не позвоню вечером, значит не вышло. Есть какие-то новости вообще?

– Есть и много. Приедешь- все подробно расскажу.

– До связи.

–А, салмиакки не забудь.

– Подождите, подождите, профессор, не торопитесь. – Коренастый мужчина лет 60 оглядел огромную аудиторию, которая тут же смолкла. Его густые брови распрямились.

Это был профессор Корешковский. В 90-е он много путешествовал по Южной Америке, где лечил детей от малярии и прочей гадости. После закрытия НИИ Корешковского нашли умершим на пороге своего дома. Случайной эту смерть в округе не называл никто, разве что самые близкие друзья, работавшие с Евгением Аркадьевичем почти двадцать лет.

– Михаил Александрович, ну, посмелее, давайте, давайте! Совсем еще не старый профессор неторопливо подошел к кафедре, затем вышел ровно на середину сцены и вскинул руки вверх. Зал неодобрительно загудел.

– Я пришел сюда, что бы рассказать вам о ваших самых больших страхах. Человек никогда не сможет противостоять заложенному природой. Идите ко мне. Вы, да, идите, не бойтесь, смелее, смелее. – Молодой человек с первого ряда сморщил лоб, и нехотя подошел к профессору. – Вот он, страх! Вы только посмотрите! – Михаил Александрович поднял мою руку, на которой поблескивали капельки пота. – И я расскажу вас, в чем причина! В желаниях, которые мы испытываем! Вот они, наши самые ужасные противники! Вот вы, – профессор указал на ту самую девушку, которую мы с врачом спрятали в тайнике. – Ваше мнение! Не стесняйтесь, высказывайтесь!

– Это все провокация. – Незнакомка выпрямилась и сме-

рила Михаила Александровича колючим взором.— Потные ладони еще не признак трусости, вам не кажется, что за бред?

—Еще здесь достаточно душно, товарищ Григорьев. — До-неслось с задних рядов и я увидел... Дениса, немного оброс-шего, но все такого же конопатого.

-Так, ну все, хватит, прекратите этого балаган. — Со второго ряда на кафедру поднялся немолодой мужчина, одернул мою руку и проводил со сцены.— Уясните одну про-стую вещь, вы не имеете права втирать "калугинскую чушь" подрастающему поколению психологов.

-Валерий Николаевич, ну что вы, ну дайте же высказать-ся. Я вот согласен с Михаилом Александровичем. Страх мешает развитию. Вы вот представляете масштабность разработок, которые Михаил Саныч проводит с господином Калугиным?

-Нет, и знать не хочу. Дурдом, честное слово.— Валерий Николаевич соскочил со сцены и направился к выходу.— Вы трое — за мной!

— А я их, между прочим, не отпускал, Валерий Николае-вич.

— А я их похищаю, и мне плевать! — Хлопнул дверью про-фессор.

Троица молча поднялась со своих мест и медленно заша-гала следом.

— Черт-с-два, — во дворе университета профессор Вербицкий затянулся "Беломором". Других папирос он не курил. По молодости неуживчивый преподаватель почти восемь лет провел за полярным кругом, за что и получил прозвище "Полярник". По какой причине Валерий Николаевич тянул ляжку, никто не знал. — Такую чушь, да в такие головы, мама дорогая.

— Калугин набирает популярность. — Денис затянулся обычной "Примой".

— Родной, ты что, не понимаешь, что он сумасшедший? — Воскликнул Вербицкий. — Не в себе человек. Так бывает, дети мои. Сегодня все, а завтра... Держитесь подальше от всего этого, и лучшие уезжайте отсюда, — Валерий Николаевич махнул рукой. — А то загубят вас, к чертовой матери.

— Профессор. — Окликнула уходящего Вербицкого незнакомка. — А про "Черную орхидею" — это все правда?

— Ой, дети мои. — Повторил Полярник и со вздохом улыбнулся. — Вот тебе это сейчас зачем? Гуляй, люби, ну там, напиться можешь, а это все... — Вновь махнул рукой Вербицкий и посмотрел на парней. — Все, отчаливаю.

— Ну, это еще надо подумать, — хитро сощурилась девушка и обернулась к нам. — Да? — Она закатала рукав джинсовой куртки, и я увидел татуировку в виде пирамиды, вокруг которой обвилась роза.

Когда я открыл глаза, за окном уже была ночь. Рядом со мной спала Аня, обняв подушку и сладко причмокивая во сне. Я резко вскочил и взглянул на часы. Начало первого, проспал!

Собравшись на скорую руку, я выбежал в коридор, плотно прикрыв дверь. Любимая лишь беспокойно перевернулась на бок.

И так, я проспал почти 12 часов, и это не случайность. Во сне я снова видел таинственную незнакомку, врача и профессора Вербицкого, с которым однозначно пересекался раньше.

– Голосуй, голосуй, зря время теряешь. – На улице ко мне подошел тот странный молодой человек, который испепелил меня взглядом на пляже, во сне, в электричке. Сейчас он выглядел на порядок элегантнее – дорогой импортный костюм и лакированные скандинавские ботинки. – Привет. Зря, говорю, голосуешь. Время уже, тю-тю. Далеко ехать?

– За город.

– Ууу. Попал ты, братишка. Ну, смотри. – Он по-дружески хлопнул меня по плечу. – Я тебя довезу. Ну, раз больше некому. Но мы сначала поедим. Договорились? Тут есть блинная, недалеко. Садись, поехали.

Кухня франта располагалась недалеко от того самого моста, через который и предстояло ехать к хранилищу. Старинное здание постройки еще прошлого века называлось "У

Хельги" и имело неопрятный, неприветливый вид. Внутри это было самое обычное кафе, за исключением колокольчиков, висевших практически над каждым столиком. Деревянные стулья коричневатого оттенка погружали в эпоху Финляндии годов так-40х.

Стилизованные под старину таблички олицетворяли саму улицу, на которой находилось кафе – переулок Хаккинена, человека, прославившего Страну Тысячи Озер еще очень и очень давно. Он был лучшим автоспортсменом сельского масштаба, а начинал свой путь именно с этого места. Теперь, даже в самом кафе висела картина, изображающая гонщика на фоне еще деревянного моста.

– Нам, пожалуйста, по пиву. – Заказал незнакомец, когда мы уселись за столик. – Тинь, – щелкнул он по колокольчику. – Вот как-то так. Так куда ты путь держишь, странник? Время-то, ай-ай-ай, – погрозил пальчиком парень.

– Ну, надо, в общем. Ждут, друзья.

– А, друзья, ну, давай тогда за них. – Незнакомец поднял увесистую кружку с пивом, и только тогда я заметил изображенную на ней пирамиду, только уже с орхидеей, темного оттенка.

«Черная орхидея»?

Я нервно обернулся. Помимо нас в зале находились еще двое парней, взгляды которых были устремлены точно на меня. Музыка медленно смолкла.

–Пересменка.

–Чего?

– Ну, бармены, чего, чего. Один приходит, другой уходит. Музыку каждую свой включает. Так что, не пугайся. – Засмеялся незнакомец. – Павел. – Протянул он мне руку.

– Угу, очень приятно, – ответил я и заметил небольшой ожог на руке нового знакомого. Без сомнений, я где-то его уже видел.

– Взаимно, будем знакомы. – Кивнул Павел и привстал. – Посиди, я отойду. Важные дела. Не скучай. – Улыбнулся он.

Обернувшись, я снова взглянул на молодых людей. Несмотря на поздний час, уходить они явно не собирались.

– Извините, можно вас? – подозвал я миловидную официантку.

– Да, я вас слушаю.

– У меня вопрос, а вот эти колокольчики, они здесь зачем?

– Старый хозяин привез их жене их Японии. Мистер Ховалайнен...

– А, это он. – Улыбнулся я. – Сегодня утром он и не заикнулся об этом.

– Эээ, простите, кто?

– Ну, мистер Ховалайнен, я просто не знал, что это его кафе, и...

– Нет, вы что-то путаете. – Официантка удивленно улыбнулась. – Мистер Ховалайнен умер. Много лет назад.

Что?!

А кто же тогда...

– Я могу идти?

– Угу.– Кивнул я.– Подождите.– Те парни, давно здесь?

– Пришли почти в одно время с вами.

– Угу. А можно отсюда выйти... Ну, не через дверь?–

спросил я шепотом. Незнакомка едва заметно взглянула на парней.

– Простите?– Нагнулась она ко мне.

–Мне нужно уйти. Не через дверь.

Официантка нервно дернула плечами. Поколебавшись, она вновь нагнулась ко мне, якобы забрать меню и прошептала:

– В уборной, наверху, есть...

– А вот и я.– Павел уселся на свое место. – Что такое?

– Уважаемый гость хотел еще пива, вот выбираем. – Улыбнулась официантка, ее глаза блеснули. – Сейчас все будет, Павел Сергеевич.

–Отлично.– Поджал губы пареньь.

– Паша, я отойду.– Очень надо...

–Да, конечно. Только долго не сиди, простудишься.– Хотел он.

Оказавшись в уборной, я огляделся. Наверху был самый обычный потолок, плитка. Взобравшись на унитаз, я попытался дотянуться , но, тщетно, моих сантиметров оказалось

недостаточно. Оставался один вариант- трубы, пластиковые но другого выхода у меня не было.

Аккуратно взобравшись на хрупкую конструкцию, я начал ломать плитку, и она поддалась. Под материалом оказалась крышка люка, ведущего, видимо, на крышу. Слегка надавив на нее, я успел обрадоваться, когда труба под ногами надломилась. Туалет начал медленно наполняться водой, я же зацепился рукой за крышку и теперь болтался в воздухе. За дверь уже слышались приближающиеся шаги.

Ценой невероятных усилий я подтянулся и таки оказался на крыше.

–Эй! Сюда!– крикнули где-то снизу, и я увидел мотоцикл с официанткой.– Быстро!

Недолго думая, я прыгнул с крыши на транспорт и вцепился в спину водителя.

Мотоцикл понес меня через тот самый мост. Мы выехали ровно к той же самой опушке, когда официантка соскочила с мотоцикла и нырнула в лес, потянув меня за собой. После длительной пробежки мы рухнули за дерево и тяжело задыхались.

–Я не знаю кто ты, – отбрасывая шлем в сторону, прохрипела незнакомка.– И что натворил, но тебе конец. Если ты угодил в это кафе, то, – она звучно сглотнула.– Суши весла, приятель.– Девушка поднялась.– Отдохнул? Побежали, давай, давай!

«Мина!»

Белокурая девочка вырвалась вперед, обогнав толпу, окутанных страхом жителей города. Ее тут же подхватили и вернули в строй. Марта еще очень долго пыталась разглядеть, увидеть меня среди остальных, но это уже было бесполезно.

Через мгновение ее не станет. Как и всего того, что нас окружало.

– Девушка, вам помочь?— ко мне подошел молодой человек и протянул ладонь. Задумавшись, я не заметила, как наступило утро, и площадь Алексеева наполнилась людьми.

– Нет, нет, все в порядке, не надо, спасибо. – Я схватила сумку и поднялась с мраморных ступенек.

Когда-то, очень давно, именно здесь, в парке поэта Алексеева, я впервые почувствовала себя нужной. Среди этих мраморных колон удивительного города, который стал мне вторым домом. Инкери- город контрастов. Такой разный для всех, кто сюда приезжает. В Инкери не рождаются. Здесь находят себя, блуждая по закоулкам собственной души.

Я подняла голову и взглянула на статую Маленькой Финской Девочки, главной героини города. В детстве нам говорили, что в каждом из нас живет тепло, доброта и простота той веселой хохотушки, на стихах о которой мы выросли. В памятнике она сидела рядом со своим создателем, поэтом Алексеевым, человеком, который прожил в Инкери по-

что сорок лет. Опять же здесь не родившись.

— Анна! — Окликнул меня мужской голос, когда я уже вышла к дороге и садилась в такси.

— Что?! — Округлила я глаза, схватила мужчину за руку и завела за ближайший угол. Вы что вообще здесь делаете?!

— Послушайте, душа моя. — Зашептал Григорьев. — Послушайте, это безумие. Я волнуюсь за вас, ваша задумка — полная чушь, вы погубите себя зря!

— Не понимаю вас, профессор.

— Ну, я, пожилой, конечно, но не дурак. Анна, он все знает, знает и про вас, и про нас, грядут темные времена, ну, теперь вы меня понимаете.

— Знаю. — Я вновь схватила сумку и направилась к дороге. — Только это ничего не меняет, профессор!

— Анна, одумайтесь, я вас прошу, Анна. — Засеменил за мной Григорьев. — Цена свободы слишком велика. Неужели вы думаете, что вырвавшись из «Склепа» однажды, второй раз уже туда не вернетесь?

— Профессор Григорьев. — Я подошла к мужчине. — Я вам вот что скажу, Михаил Александрович. Я оттуда не вырывалась, и пошла я туда сама! Ясно?! Сама! И если надо туда вернуться, я вернусь! Лишь бы с ним все было хорошо! — Хлопнув дверью машины, я удалилась от растерянного профессора.

Часть 2

—Аня, вставай, мы опаздываем!— Бабушка, или как я любила ее называть, мама, сорвала с меня одеяло и стянула с кровати.— Какой бесполезный ребенок, и зачем я только ввязалась во все это!— Она посмотрела в зеркало и ехидно улыбнулась. — Потому что я всех вас люблю. И вы меня должны любить. Через двадцать минут я жду тебя за столом, и не опаздывай!— Крикнула бабушка, уже удалившись из спальни.

Я думала, что в этой жизни мне достанется светлая роль домашней хозяйки, в отдаленной финской деревне, где доят коров и собирают ежевику. Что после сорока я останусь жить где-нибудь в Порвоо, любуясь горячими закатами с вершины горы Миккели, которая тогда казалась неприступной. Но одно решение бабушки оказалась роковым, и я переехала в Инкери, вместо горных вершин мне достались мраморные колонны, которые совсем не впечатляли.

Город показался мне холодным и совершенно неприветливым. Эти безлюдные проспекты сжимались в огромное столкновение нереальной массы, которая удивительным образом давила на сознание реальности. Громадные просторы мраморных колонн и необъяснимая разница между кварталами поначалу создавали миллиарды сомнений, но затем все закончилось. Инкери стал моим домом. Раз и навсегда.

Я пыталась уйти, но не смогла. То сладкое ощущение сво-

боды не давало покоя в других городах, и я вернулась в Инкери. Между мраморными просторами и незнакомыми людьми прошло мое детство. Я помнила каждый миг, каждое мгновение: вершину горы Карху, заброшенные подъезды в Южных кварталах и, конечно же, "Йоуко Похьянпало", огромный круизный теплоход в бухте Инкери. С его палубы мы видели мальчишек на том берегу, а они смотрели на нас и радостно улыбались.

Лишь одно в моем счастливом и беззаботном детстве не давало мне покоя.

–Эй!– Окликнул меня парень на велосипеде, проезжавший мимо, когда я уже входила в темный лес. Окутанная сомнениями, я все-таки решилась дойти до Туманного озера, лежащего прямо в глухой чаще, куда редко ступала нога человека.– Там опасно. Местная, вроде бы, не знала?– Парень улыбнулся в темноте. Стрелки часов приближались к полуночи.

– Вы меня напугали. – Поморщилась я.– Мне очень нужно.

– Есть другая дорога, не через лес. – Сказал с легким акцентом парень.– Поехали.

Туманное озеро, или как его называли в Инкери, Озеро Правды, всегда чем-то меня привлекало. Мне казалось, что истина находится где-то совсем рядом с ним. Та, которая даст ответы на все мои вопросы.

– Вот там тропинка, – указал парень в обход горы Карху. –

Через нее выйдешь к озеру.

— Простите. — Остановила я его.— На месте озера... Раньше... Что-то было?...

—Если верить сказкам, то раньше там был город. — Улыбнулся парень, уже отъезжая. — Но это если только верить!

Над пустынной местностью уже вставало солнце. Трава, по которой я шла, покрылась утренней свежестью. Впереди ничего не было, только я, и бескрайняя даль, простиравшаяся в бесконечность. Впереди возвышалась гора Карху. Туманное озеро брало свое начало. Здесь не было ничего. Отдаленный уголок бескрайности.

Мне казалось, что это уже все было. Что я уже шла по этой траве и собирала ежевику. Что мои руки касались этих покрытых мхом скалистых углов горы. Что когда-то давно я сидела здесь, на берегу озера и думала о чем-то важном.

Его монолитность успокаивала сознание. Единение с природой. Я коснулась водной глади...

«Минна!»

«Идем, ну же, скорее, бежим»

Охваченная паникой толпа бежала к выезду из города, сметая все на своем пути. Клубы дыма и гари не позволяли видеть даже собственной тени.

«Минна, идем, пожалуйста!»— светловолосая девочка протянула мне руки, но я.... Оттолкнула ее и кинулась в другую сторону и, упав, обхватил лицо руками.

Через несколько мгновений, на том месте, где она стояла,

образовалась огромная воронка.

– Аня, ну что же это такое, просто ужас какой-то! Как вообще можно так жить?! Меня вообще никто не слушает!

Я открыла глаза и попыталась вспомнить, что было вчера. То воспоминание, у озера, было последним. Дальше – бездна.

– Аня, я с тобой разговариваю! – На пороге комнаты возникла бабушка. – Я тебе говорю!

Я медленно опустила ноги с кровати и дотронулась до лица. Руки были словно не мои, чужие. С трудом доковыляв до зеркала, я уставилась на опухшую физиономию. Вчера произошло нечто странное. Но что именно, я не помнила.

– Аня!– Крикнула бабушка уже над ухом.-

– Ба...– Простонала я, облокотившись на стену.– Почему я... Совсем не помню своего детства?

– Спроси что-нибудь попроще. – Глаза бабушки забежали. – Так бывает, и ты прекрасно это знаешь.

– Инкери... В шесть лет мы с тобой уехали в Инкери. Моя мама умерла от тяжелой болезни, папа нас бросил. Сейчас мне двадцать четыре, и я явно что-то забыла, что, Ба?

– Ну что ты говоришь, Аня, ничего ты не забыла. Росла до шести лет как любой нормальный ребенок. Все, хватит донимать меня глупыми вопросами, идем завтракать. Возражений я не принимаю. – крикнула бабушка уже с кухни.

Схватив рюкзак, я выбежала на улицу.

Все казалось чужим. Огромные часы на башне, которые я видела сотни раз, мраморные ступеньки, голубой фургон с мороженым...

«Простите, простите, пожалуйста». – Влетел в меня парень с коричневой дорожной сумкой на плече. Я поморщилась и двинулась к остановке, а затем невольно оглянулась.

Если мы когда-то любили, то никогда этого не забудем. Тот трепет поцелуев и прикосновений, те сладкие минуты близости и порхания бабочек где-то внутри. Любовь – одна. Остальное лишь северное сияние. Полярная Звезда не имеет свойства исчезать.

Я любила его. Этого совсем незнакомого молодого человека, обернувшегося вслед за мной. Я не знала кто он, не помнила, как его зовут, но то, что творилось внутри, не оставляло сомнений. Этот человек – любовь всей моей короткой жизни.

Парень последовал за мной на остановку, разговорился с господином Терским, сдающим комнаты в отдаленном районе Инкери. Переждав дождь, я прыгнула в такси и устремилась к общежитию.

Вбежав в просторный двор, я кинулась к трем мужчинам,

играющим в домино за столом.

– Боже правый... – Обомлел один из них, самый пожилой. – Аня, вы, вы...

– Подождите, мы что, знакомы?

– Аня, я... – Мужчина поднялся из-за стола и подошел ко мне. – Я не видел вас тысячу лет.

– Простите, но я... Я вас не знаю, честное слово. Мне нужна комната... И, похоже, помощь. Я заплачу, – я открыла сумку.

– Ну что вы, побойтесь Бога. Пойдемте, пойдемте наверх. Поговорим. Много лет назад вы приходили ко мне с просьбой.

– Нет! – Воскликнула я. – Я в первый раз вас вижу!

– Товарищ Григорьев, ну что вы, в самом деле. – Подал голос молодой человек в дорогом импортном костюме. – Ждите гостей. А я провожу девушку. В самые лучшие апартаменты.

Великолепные три девочки с неистовыми воплями спустились с лестницы, едва не сбив идущего передо мной незнакомца. Деревянные полы гулко отдавались эхом в безмерной высоте потолков.

– Дальше мы сами. – На верхней площадке возник верзил. Черные брюки, темный плащ с капюшоном, господин напоминал темного Барона из английской мифологии. Жестом

указав парню, сопровождавшему меня, на выход, незнакомец двинулся дальше, по коридору.

– Ну вот, как всегда, – оскалившись, выдавил парень и вновь нацепил очки. – Вперед.

– Но, простите, мне нужна комната, я...

«Он. Не любит ждать».

Я вздрогнула от неожиданности. Темный лорд вновь возник на лестнице.

– Да что вообще! – Я оттолкнула парня в костюме и гневно зашагала к выходу. – Всего доброго! – Распахнув дверь, я уже выходила на улицу, когда уткнулась в того самого верзилу, мгновение назад стоявшего на лестнице.

– Он. Не любит ждать. – Повторил незнакомец.

– А это так и будет, – подал голос парень в пиджаке. – С ним спорить, эх. – Махнул он рукой.

– Я... – задохнувшись от возмущения, крикнула я. – Вы не имеете права!

«Ну что за крики, кого тут ущемляют бесправием?».

Наверху возник еще один мужчина. Привлекательности ему придавал, конечно же, голос – роскошный баритон, импозантная внешность и манеры делали этого уже немолодого мужчину любимцем женщин.

– Послушайте, я не знаю, что здесь происходит, но, если вы, – я обернулась. Незнакомца уже не было. Зияющая пустота дверного проема.

– Ну, ну, ну, – успокоил меня мужчина, спустившись с

лестницы.— Позвольте представиться. Карпов Аристарх Семенович. А как зовут вас мне известно. Я прошу простить моих оболтусов, — хохотнул он и взглянул на парня в пиджаке.— Я думаю, у меня есть право исправить ошибку.

— Вот в этих местах я гулял в далеком детстве, — сказал мужчина, когда мы вышли за пределы двора. Здесь была другая вселенная, другой мир, — поющие фонтаны, гобелены аккуратно стриженный газон вдоль пешеходной дорожки Парк Маннергейма, — большая гордость и достопримечательность Инкери. — А где прошло ваше детство, Аня?

— Я не помню. — Ответила я, отводя глаза. Человек, не внушавший доверия, что-то про меня знал. Его сущность лежала на поверхности. Скользящий мужчина.

— Вот как. — Он остановился и посмотрел мне в глаза. — Давайте так. Вы хотите знать правду о своем прошлом, Анна? Ой, не зря вы пришли именно сюда, ой не зря, — погрозил пальцем Карпов.

— Я плохо вас понимаю, Аристарх Семенович.

— Прекрасно понимаете. Вам неизвестно кто я, чем я занимаюсь, но, — он сделал паузу. — Я знаю о вас все. И готов поделиться, да. Но при одном условии.

— Я рада, что вы не стали ходить вокруг да около, — Ответила я. — И что же вам известно, господин Карпов?

— Ну, например, вот это. — Мужчина извлек из кармана

светлого пиджака стопку фотографий и протянул их мне.— Смотрите, любуйтесь.

Я листала фото, и сердце мое вырывалось из груди. Маленькая я, мама, папа, бабушка, старый город, Озеро...

— Откуда это у вас? — Прошептала я.

— Ну вот, отлично.— Радостно воскликнул Карпов. — Но пока это все, остальное при выполнении моих условий. Вы готовы?

— Да, готова.

—И так, задание первое. В самом крайнем доме живет профессор Вербицкий. Мрачный тип. Однако, одна вещьца от него мне понадобится. Твоя задача — войти к нему в доверие.

— Располагайтесь пока тут.

Господин в темном бросил сумку с вещами на пол моего нового жилья. Это было общежитие, я задумалась о том, что можно вот так провести без замысла свое единственное существование. В этой каморке.

— Еду вам привезут. Мы свяжемся с вами через пару часов.

— Ммм. Послушайте, а, — Но его уже не было. Зияющая пустота дверного проема. Как? Он что, невидимка? Призрак? Чудеса, да и только.

Я выглянула в коридор. Пусто. Осторожно переступила за пределы комнаты. Большой, длинный коридор и лестница, ведущая наверх. За ней дверь. Обычная, самая простая. Лю-

бопытство – не мой друг. Враг. Но такой приятный.

За дверью оказалось помещение, видимо когда-то служившее чердаком. По крайней мере, убирались здесь, наверное, еще при Маннергейме. Мох, плесень. Тетради.

Я присела на корточки и аккуратно раскрыла одну из них. Почерк – жуть, по крайней мере, я, при своей неаккуратности, и то писала намного лучше. На следующей странице увидела портрет мужчины, показавшийся мне знакомым. Однако, привлекло меня не это.

На стене, под окном, я увидела надпись. Три слова на финском, значение которых, конечно же, понимала.

«Peiko. Pimeus.Ave. »

– Хлоп, хлоп?– Надо мной склонилась девушка лет двадцати, блондинка. На ней были белые кроссовки, ну а я лежала на песке, и, кажется, в меня только что прилетел волейбольный снаряд.

– Ахах, живая?– Рассмеялся тот самый парень с автобусной остановки, которого я видела сегодня утром. Ну да, в руках у него было цветастый мяч. Стрелок, мать его за ногу.

– Смотри, убьешь любимую. Ооо. Да тут похоже на амнезию. Паша я, Паша...

Открыв глаза, я оглянулась вокруг. Что это было? Забытые воспоминания?

Я осеклась. Не поверите, но мое внимание привлек телефон. Да, да, звонок самого обычного телефона. Я понятия не

имела, откуда, но он звонил. Где-то в глубине чердака. Стационарный телефон.

С замиранием сердца я двинулась на звуки, стараясь не упускать из виду странные записи на стене. Здесь кто-то жил. Или даже живет. А я тут. И телефон. Который звонит.

– Да...?– Дрожащим голосом ответила я, сняв трубку.

– Привет, подруга. – Я знала этот голос. Но, черт побери, не помнила, где его слышала. – Можешь говорить?

– Я... Простите, могу узнать, с кем разговариваю?

– Ань, это я, Лариса. Ты меня не помнишь, конечно. У меня сейчас нет времени, я об одном попрошу, но ты не перебивай, хорошо?

– Да, ладно. Хорошо.

– Скажи папе, что я сейчас не могу приехать. Но со мной все хорошо. Я жива. Ань, скажи ему, ладно?

– Кому?

– Вербицкий. Который профессор.

– Но... Я постараюсь, но...

– Я люблю тебя, подруга.– Девушка рассмеялась. – До встречи в аду.

Короткие гудки шли уже довольно долго, а я все не могла понять, что произошло. ЯЧ вспомнила голос. Это была та самая блондинка – волейболистка, которая склонилась надо мной на пляже. И профессор Вербицкий. Который ее отец. Тот самый, от которого что-то нужно Карпову.

Край чудес и загадок.

Не успела я додумать думу, как телефон зазвонил снова.
– Да?

–Pimeanarka....Pimeanarka...Peiko...Olla pelloissaan,
mahtava, tutista pelosta, kammoksuttaa...-Раздался шипящий
женский голос на том конце провода. –Nyt. Helvettin. Taalta.

–Простите, я не совсем понимаю. Ааа! – подскочила я на
месте, увидев прямо перед собой девушку в капюшоне. – Гос-
поди, как вы меня напугали!

Она молча смотрела на меня. Ее глаза не выражали ниче-
го, кроме озлобленности. Волосы, давно не знавшие ни рас-
чески, ни шампуня, были скрыты под капюшоном.

– Nyt. Helvettin. Taalta, – прошептала она, глядя мне в гла-
за. – Уходи. Ты здесь чужая.

– Угу. – Заспешила я к выходу. – Я....Заблудилась. Гос-
поди, страсти какие.

– Он вернулся. Все получают по заслугам, – сказала девуш-
ка, когда я уже выходила из комнаты.

Прикрыв дверь, я отдышалась, а затем достала из кармана
сложенный листок с портретом знакомого незнакомца.

Ну, она же не обидится, если я заберу?

Кафе «У Хельги» – одна из главных святынь города Ин-
кери. Если я не ошибаюсь, открыли его еще в прошлом ве-
ке. Мне здесь нравилось исключительно все, кроме одного:
абсолютно идиотских колокольчиков, висевших над каждым

столом. Кем я себя чувствовала, коровой или пожарником, объяснить сложно, но что-то среднее между первым и вторым.

— Что заказывать будете?— Обратилась ко мне приятная официантка. Ну да. И ее я где-то видела. Сто зубов могу дать.

— Ааа, да, сок апельсиновый.

— Будет исполнено.

Народу на площади, что перед кафе, было немало. Пасмурная погода для финнов не помеха, — привыкли. Для меня же поначалу было дико, но со временем все пришло в норму. Так я тоже стала частью этого этноса. Хотя и была ею, по сути, с рождения, осознание приходит с возрастом. Мне, как и говорила, двадцать четыре. Бабушка. Бабуля.

Я взяла в руки мобильный телефон и вбила в поисковой строке «Профессор Вербицкий». Браузер выдал под тысячу ссылок, а в одной даже видео, на котором ученый дает интервью местным СМИ:

— Я считаю это национальным позором, принятие декларации об одобрении дополнительного финансирования лаборатории этого, прости Господи, Калугина. Я считаю, что эти средства должны использоваться по назначению, и явно не по такому. — Вещал профессор с трибуны.

— Привет, подруга.

Я едва не поперхнулась соком, выронив из рук телефон.

— Не поняла. — Посмотрел я на ту самую блондинку с пляжа. Полчаса назад она звонила мне, а...

Что происходит?

– Чего? – Рассмеялась она. – Не рада видеть, что ли меня?

Приехала, ничего не сказала. Как так-то?

– Да я... – Ошарашенно произнесла я, решив сменить тактику. – Не успела я. Вот, только прибыла. Утренним поездом.

– Уии, класс! – Обрадовалась Лариса. – Тусанем? Как раньше? – загадочно улыбнулась она.

– Да, конечно. – Кивнула я и театрально засмеялась. Состояние – план-провал. В один момент мне показалось, что я вижу сон. Или не показалось?

– Супер. Алло, подруга, ты чего такая? «Амбре» что ли вчера было? – рассмеялась Лариса.

– Что было?

– Ооо. Ясеня. Как там с Кириллом, кстати? Его тоже столет не видно, как воду канул. Ну, с ним бывало. А вот ты испарилась неожиданно.

– Да. – Протянула я. – Дела были.

– Колбаса. Жизнь идет, ты не меняешься, Корешковская.

– Что?

– Что?

– Как вы меня называли?

– Вы? Рухнула что ли, Ань? Корешковская, ну, фамилия твоя, прикинь?

– Нет, вы, ты, ошибаешься. Я – Корнева, и всегда ей была.

– Так, ну-ка, тишина, замолчите, калерка! – Вербицкий

жестом призвал аудиторию к тишине. Студенты, их было человек двадцать, мгновенно смолкли.

– Запишем тему. И так, что вы когда-нибудь слышали о теории искаженного сознания? Вы, да, первый ряд.

– Теория искаженного сознания впервые была представлена еще советскими учеными, – с первого ряда поднялся светловолосый парень. – По выдвинутой гипотезе, сознание – это лабиринт нескольких уровней, каждый из которых направляет мысли в разные стороны...

– Молодец! Теперь вы!

– Сознание можно исказить искусственным путем, с помощью анальгетиков, – робко произнесла невысокая девушка на последнем ряду.

– Не понял. – Вербицкий нахмурился и спустился с кафедры. – Потрудитесь объяснить.

– Ну, с помощью препаратов болеутоления можно дать понять разуму, что он в нужном направлении. Согласно учению профессора Калугина... Человеку кажется, будто он спит. И в этом сне будто бы видит... Необъяснимое... То, чего не может быть на самом деле...

– Аня, Аня! – Тормошила меня Лариса. – Алло, ты чего, Аня, тебе плохо?

– А? – Очнулась я. – Нет, все.... Все хорошо. – Я схватила сумку и в спешке поднялась. – Лариса, я, мы увидимся, я позвоню.

– Естественнее. – Услышала я голос за спиной. Бруталь-

ный незнакомец в темном, из общежития. – Все идет, как нужно. Спокойнее. Игра только началась. Вы не смеете нарушать правила.

Наверное, иногда случается так, что в двадцать четыре года вы начинаете думать, а зачем вообще вот это все? Кто я? Зачем живу, для чего? Все вокруг кажется ненастоящим, подделкой. И вы такие сидите на кровати, диване, в ванной, туалете и думаете. Чего мне вообще нужно-то, в жизни этой странной? И вроде бы все есть, а сладкого не хватает. Чего-нибудь нежно-миндально-хрустящего. Молочного, с орешками.

Бабушка всегда говорила, что смысл жизни – это поступки. Что каждое лишнее слово – это сворованный кислород, которого, как денег и надежд на светлое будущее, и так почти не осталось. Что лишь доказывая правоту поступками, ты делаешь шаг в развитии характера. Бабушка вообще любила много говорить. По молодости она читала литературу эпохи просвещения и постоянно ее цитировала.

В совсем еще юном возрасте я нашла приключения на свою беспокойную голову. Пропадая часами на улице, срывала плоды с деревьев, собирала пустые банки, а ночью возвращалась домой и строила из них домики для своих зверюшек. Затем я связалась с плохой компанией и начала употреблять легкие наркотики. Это едва не закончилось груст-

но, и спасло меня лишь появление в моей жизни четвероногое друга, которого я встретила случайно.

Нам... Очень часто не хватает доброты. Правда. Почему-то мы все придерживаемся стереотипа, что мужчинам не может быть больно и вообще, в этом жестоком мире не место слабым.

Мне всегда казалось, что каждому из нас нужен тот, кто будет спокойно воспринимать нас настоящими. Человек – живое создание, и порой нам всем бывает больно, и хочется найти своего Мумми, что бы обнять его и поплакаться. Так бывает.

Для меня таким созданием стала Лора, самка терьера, которую я нашла поздним вечером, на ступеньках метро. Она совсем замерзла, был дождь, и я решила забрать ее к себе. Несмотря на все протесты Галины Леонидовны – моей бабушки, щенок остался у меня и стал моим лучшим другом.

Я навсегда запомнила ее глаза, они действительно смотрели с любовью. Я видела в них доверие. Тепло. Мне казалось, я была для нее всем. Да и у меня никогда не было друзей. Я трепала ее за ушки, а она внимательно слушала мои тайны, которыми я делилась и была уверена, что это все останется между нами. В дождь Лора зарывалась мне в подмышку и тихо урчала, а меня ее тепло согревало и делало добрее.

Нам часто не хватает любви и понимания друг к другу. В свои двадцать четыре года я сидела на кровати и понимала, что вошла во что-то непонятное, и что будет дальше, не

знала. Были только мысли о том, что за все свое короткое существование у меня так и не появился человек, который по настоящему понял и принял бы меня, что пути назад нет, а будущее вообще под большим непониманием.

—Простите, не помешал?— На пороге возник тот самый пожилой гражданин, встретивший меня у общежития. В руках он держал разнос с чаем и сладостями.

— Что вы, все в порядке. — Очнулась я и помогла ему разгрузить содержимое на столик. — Вы меня извините, но мы так и не познакомились.

— Да, чего это я. — Рассеяно улыбнулся мужчина. — Григорьев, Михаил Александрович, разрешите представиться, так сказать. Вот, так сказать, пришел лично поприветствовать, так сказать, нового человека. Добро пожаловать.

— Да, ура-ура. — Улыбнулась я и захлопала в ладоши, скорчив гримасу. — А, да, чего же я, ничего-то и не предлагаю. — Хлопнула я себя по лбу и поднялась со стула. — Михаил Александрович, в шкафу должны быть конфеты, посмотрите, пожалуйста.

— Ага, сейчас. — Пока мужчина отвернулся в поисках сладостей, я заменила чашечки. Теперь гражданину предстояло выпить мой напиток.

— Хех, увы. — Вернулся за стол Григорьев.— Отведайте, Анна, чая, на основе трав. Очень вкусно.

—Ммм, как вкусно. — Боже, какой ужас, подумала я.— Я сейчас приду, позвонить нужно. Извините.

– Да, конечно. Возвращайтесь. Хотел с вами побеседовать.

Через пару минут я вернулась в комнату и обнаружила мужчину мирно дремлющим в моем кресле. Осторожно нагнувшись, я вытащила у него из кармана связку с ключами.

– Анна... – Прошептал сквозь сон Григорьев. – Я же...
Сказать вам хотел...

– Объяснить, зачем снотворное мне в чай подсыпали?

– Нет, Анна, это не... – Григорьев с трудом шевелил языком. – Бегите, Анна... Иначе вы вернетесь, и больше не вырвитесь... – Уронив голову на плечо, Михаил Александрович сладко захрапел.

Спустившись по лестнице, я практически достигла комнаты, когда услышала голос:

– Девушка, простите, а вы куда? – Подняв голову, я увидела женщину лет пятидесяти.

– Я ищу Григорьева Михаила Александровича. Новенькая, поговорить хотела. Не подскажите, где я могу его найти?

– Вон как. – Недоверчиво ответила женщина. – Ее рука извлекла мобильный телефон. – Прямо и налево. Красная дверь.

– Спасибо большое. – Я сделала вид, что скрылась за стеной, однако спустя пару шагов остановилась и прислушалась.

– Алло, Павел? Это Пикуровская. Павел. Она сбежала. Он опять все испортил. Да, Григорьев. Жду.

Проникнув во владения Григорьева, я огляделась. Типич-

ное советское прошлое. Создавалось ощущение, будто бы все это – декорации. Тут же, на диване, лежали куски обоев и острые клинки, ящики с фруктами. Новый Год у финнов что ли?

Мой взгляд упал на увесистую папку, на самой верхней полке старого шкафа. Закрыв дверь изнутри, я принялась изучать содержимое документов.

«Михаил Александрович Григорьев, старший доцент кафедры психологии НИИ имени Королева. Входит в состав группы лаборатории, руководитель – профессор Калугин Олег Эдуардович. Проводятся исследования при финансовой поддержке государства» Время и дата проведения исследований, далее состав группы: профессора Григорьев, Вербицкий (позднее объявил об уходе из группы), Корешковский, Калугин. Старший лаборант – Корешковская Галина Леонидовна.

Чего? Бабушка?!

Вытряхнув содержимое на пол, я обнаружила фото, на котором действительно была замечена моя родная бабушка, в компании четырех мужчин, в одном из которых я узнала профессора Вербицкого. Кажется, нам нужно поговорить, мама.

Резко вскочив, я схватилась за голову и упала навзничь. Острая боль разбила голову.

– Аня! Аня, ты меня слышишь? – Бабушка склонилась надо мной. – Миша! Крикнула она. – Миша, скорее, она очну-

лась, Миша!

Появилось двое санитаров и меня куда-то повезли, я абсолютно ничего не видела, лишь белый потолок больницы; руки мои, кажется, были привязаны к каталке.

– Господи, Миша, я больше так не могу. – Доносился до меня голос бабушки. Она ночами не спит. Кричит, спасения просит. Я не знаю, как дальше жить, Миша.

– Галя, послушай меня. ЗИП – это наш единственный выход. Ничего другого я тебе предложить не могу.

– Но это ведь опасно, Миша. Как же так? Она ведь... Все забудет? ...

Очнувшись, я потрянула головой и попыталась встать. Ноги не слушались. В голове по-прежнему звучал голос бабушки.

Она ведь... Все забудет?

Справившись с собой, я положила все фото в папку, и, вернув ее на место, вышла из комнаты. Передо мной возник незнакомец в очках. Дорогой костюм.

– Сюрприз. – Воскликнул он, обернувшись. Я вновь увидела статного верзилу в темном плаще. Он приблизился ко мне и поднял правую руку.

Сознание погрузилось в темноту.

– А, вот и славно, что вы снова с нами, рады приветствовать вас в нашем уютном местечке. Ну, методы гипноза мо-

его друга устарели, поэтому прошу нас простить.

Я смотрела на стену, потолок и люстру. Очнувшись и не сумев понять, где я, почему-то первым делом дотронулась до своих ушей. На месте, значит, все переживем. Но где я?

— У меня дома. — Скрипя голосом, ответил седовласый старик. Его я видела впервые, в отличии от статного верзилы, неотрывно наблюдавшего за мной.

— Валет, ну что ты, оставь нас, в самом деле. — Старик подал знак, и темный рыцарь исчез.— Еще раз прошу меня простить. Мне велено подготовить вас к поединку мадемуазель, чем мы с вами и займемся. Господин Карпов должен был вам сказать о профессоре Вербицком.

— Простите, но кто вы, почему я чувствую, будто я в камере? — Спросила я.

В самом деле, ощущения в доме у седовласого были не из приятных.

Холод. Мне было холодно.

—Этого не может быть. — Мужчина подкатился на стуле поближе. — Сейчас посмотрим. — Он извлек миниатюрный фонарик и поставил мне в глаза.— Это странно, душа моя. Я сейчас сделаю вам чаю. Подождите пару минут. — Старик поднялся со стула и удалился.

Я оглянулась по сторонам. Едва поступающий желтый свет сквозь темные шторы. Темный ковры на стене и старинные, антикварные часы. Портреты, фото и один большой телевизор. Тоже на стене. Отдаленный шум воды наталкивал

на мысль о том, что я не в городе.

– Пригород Инкери. Да, и такое существует.

Я вздрогнула. Да, незнакомец в костюме сидел напротив, но заметила я его только сейчас. На лице сияла ухмылка. Впрочем, как всегда.

– Испугалась? Бывает. – Парень схватил стул, и подсел ко мне, оседлав его, как мотоцикл.

– Ммм. Ну, давай, рассказывай, зачем ты устраиваешь эти спектакли? Зачем притащил меня, и да, самый главный вопрос ответь, кто ты, клоун? – Я приблизилась к парню.

– Спокойно, молодой человек просто хотел поговорить. – Старик вновь появился в комнате, с чайником, от которого исходил изумительный аромат. – Вам ведь все равно некуда торопиться, правда?

– Ладно, хорошо. Договорились. – Хлопнула я в ладоши. – Давай, трави. Павел.

– Дерзкая. Давай говорить. Зовут меня не Павел. И у меня с твоим Ромео давние счеты. Очень давние. Посмотри сюда. – Он поднял левую руку. – Ожог. Я и Павлом стал из-за него. Так что твой любимый ой как много скрывает. А знаете ли вы, многоуважаемая Анна, – парень поднялся со стула и зашагал по комнате. – Что ваш возлюбленный просто совершил побег? И прячется сейчас где-то. Но я, – Он сделал паузу. – Все равно его найду. Три-четыре-пять, я иду тебя искать. Думает, я не знаю, куда он спрятался. А, нет. – Павел погрозил пальчиком. – Паша все знает.

Я потрясенно молчала. Старик мирно попивал чай и улыбался в усы.

— Он.... Не мог так сбежать, подождите. — Опомнилась я. — Сегодня ведь пятница?

— Уже понедельник, душа моя. — Ответил старик. — Два дня вы проспали, вот так вот.

— Нет, подождите. — Я схватилась за голову. Холод совсем одолел меня. Схватив покрывало, я укуталась и свернулась калачиком.

«Мина!»

Я будто бы пробиралась сквозь толщу воды, пытаюсь выбраться на поверхность. Где-то вдалеке мне показался белый свет и каменные стены, однако, спустя мгновение, все исчезло. Справившись с судорогами, я вернулась в реальность.

— Искаженная реальность. — Подал голос старик. — Вам кажется, будто бы вы спите, и пытаетесь проснуться. Хотя, кто знает, в какой галактике мы сейчас обитаем, правда, друг мой?

— Угу. — Ответил Павел и склонился надо мной. — Я отдам тебе его, но при одном условии.

— Каком еще условии?— Прошептала я, все еще не поднимаясь с пола.

— «Комеро».— Вновь отозвался старик, передавая парню ампулу с прозрачной жидкостью. — Гениальное изобретение профессора Калугина, душа моя. И лучше бы вам не знать, как действует эта штука.

– Комеро... Комеро... Шкаф...?

– Именно, шкаф. Поймите, душа моя, Карпов – большой человек, но всю игру завертел он, мой дорогой племянник. – Старик похлопал парня по плечу. – Ты делаешь благородное дело, Павел, твои мама и папа гордились бы тобой. – С этими словами седовласый вышел из комнаты. Хлопнула дверь.

– Останешься здесь еще на сутки. Дядя подготовит тебя к интеллектуальному поединку с Вербицким. Пока что работаем по плану Карпова. Потом вколешь эту штуку своему другу. И придешь ко мне. Я скажу, что делать дальше.

– Почему я должна верить тебе?

– Потому что Карпов засунул тебя в «Склеп». – Павел подошел ко мне и взял за руки, показав их. – И из ада не возвращаются.

Рубцы. Два огромных рубца. На обеих кистях. И я решительно их не помнила. Никогда.

– Вы знаете, в молодости я был ужасно глуп, когда упустил свою женщину, – сказал старик, когда Павел уже ушел. – Это, конечно, все мелочи, но добиваться своих целей очень важно. Мой племянник в этом преуспел. Благослови его всевышний.

– Он сказал... Что мой... Кирилл виноват перед ним. Что случилось?

– А, это долгая история. – Отмахнулся старик. – Вы все

узнаете. Но позже. Давайте начнем. – Он развернул ко мне журнальный столик и внимательно посмотрел. – Итак, урок первый. Ваша слабость – это ваша трусость. Чего вы боитесь? Вы же ничего не помните. Забудьте. – Старик взмахнул руками. – Вы здесь. Прошое там. За этими стенами. Проще. Не помните – значит, не было. Ни бабушки, ни дедушки, ни дядь, ни тетя – никого. Никогда в жизни вы не выиграете, если будете слушать сердце. Чушь. Только мозги. И только сознание. Ваш разум – ваше все. Закройте глаза и представьте, что вы – привидение. Урок два. Не поддаваться и не сдаваться. Ни за что. Убирайтесь! – Неожиданно крикнул он. – Марш отсюда!

– Но я...

– Вон я сказал! Вы – ничтожество!

– Я должна...

– Жестче! Правда за вами, боритесь за нее, выиграйте спор!

– Я не уйду! – Крикнула я, вскочив с кровати. – Мне нужна эта игра!

– Зачем, ты же глупа?! Тебе не выиграть! Наполеон любил Жозефину так же безумно, как ты любишь его?!

– Любил и был глуп, как все мужчины!

Мы стояли друг напротив друга, будто бы готовые наброситься в прыжке, словно дикие животные. Старик вошел в азарт, его глаза заблестели.

– Мужчины – высшая раса, неужели твой мерзкий щенок

не может просто вытащить тебя отсюда?!

– Отсутствие мужчины не означает его безразличия. В крови у самцов инстинкт самосохранения, трусость иногда – это лишь попытка сберечь себя и близких.

– Ха-ха, ерунда, он просто бросил тебя! Поиграл и пропал!

– Я предпочитаю изучать достоверные сведения, а не доводы, Таурус. Или твоя морская голова тебе этого не подсказывает?

– Наблюдательность очень нужна. – Старик снял картину со стены. – Любовь подарила. Царство ей небесное. – Вздыхнул он. – Ну, неплохо. Суть ты уловила. Вербицкий – сильнейший спорщик в Инкери, и твоя задача – задержать его подольше. Самообладание – твой главный друг.

– Таурусом меня называла еще покойная жена. – Сказал старик, когда мы собрались ужинать. За окном спустились сумерки, Таурус зажег ночник. – По молодости болел морем, было время.

– Один раз была на море. – Отозвалась я, надкусывая трюфель. – Ничего особенного. Финский залив круче.

– Дитя Севера. – Усмехнулся Таурус. – А мы по молодости, еще с родителями Павла ездили в Грузию. Сказочный край. Ну а Таурусом я стал позже, после смерти любимой. Подкосило меня это, сломало.

– Любили ее?

– Конечно. – Улыбнулся Таурус. – Это был божий одуванчик. Тридцать лет вместе прожили, душа в душу. Саркома.

– Так выпить надо. За упокой.

– Это можно. – Таурус извлек из комода две рюмки. – Отведаем моего фирменного, полусладкого. – Старик достал бутылку с полки, открыл и разлил вино. = За Марту.

– Кажется, Паша приехал.

– Нет, рано. – Подошел к окну Таурус. – Вам показалось. – Сказал старик, осушив бокал. Затем, заметив мой взгляд, осекся. – Вы же...

– «Комеро», Таурус, «Комеро», – Улыбнулась я, демонстрируя пустую ампулу. – Приятных воспоминаний.

– Это вам не поможет, душа моя. – Вздохнул Таурус. – Не торопитесь, как говорила моя Марта.

– Ну, по крайней мере, выиграю время.

– Зря вы так думаете. Вам не уйти. За вами придут.

– Хорошо. И да. Может, расскажите правду, пока память в порядке?

– Вы зря это делаете. – Покачал головой Таурус. – Хорошо, как вам будет угодно. Что же конкретно вас интересует?

– Мое прошлое. «Склеп». Кирилл. Павел. Правду. Всю.

– Я скажу вам, что ваш возлюбленный – редкостный мерзавец. А о «Склепе» вы и так все знаете. Вы ведь сейчас в

нем находитесь.

– Что?

– «Комеро», девочка, «Комеро». А вот и Павел. Так сказать, к столу.

Схватив со стола бутылку, я метнула ее в окно и, наспех разобрав оставшиеся осколки, выпрыгнула наружу. Свет дальних фонарей осветил двор. Хлопнули двери, по крыльцу затопали ноги.

– Эй! – Я вздрогнула от страха, когда некто сгреб меня в охапку и зажал рот. – Далеко собралась?

Я обернулась и увидела... Кирилла.

Жестом призвав к тишине, он указал на тропинку, ведущую к лесной полосе. Схватившись за руки, мы бросились в чащу, и лишь достигнув глубины леса, остановились. Не сумев сдержать чувств, я крепко обняла его.

– Ты... Господи... – Мой голос срывался, я водила руками по его лицу, целовала, плакала, снова плакала, а он лишь улыбался и держал меня за руки. Над лесом выплыла огромная луна.

– Нам нужно идти. – Прошептал Кирилл. – Нас найдут, и очень скоро. Идем.

– Подожди.– Я схватила его за руку. – Я люблю тебя, слышишь? Я... Абсолютно ничего не помню, но я... Ты... Я знаю ... Чувствую, понимаешь?...

Мы крепко схватились за руки. Я осознавал, что моя жизнь- это ее сердечное дыхание. Она была рядом, такая родная, я думал, что если и есть счастье, то вот оно. Мое. Рядом.

Над Инкери уже вставало солнце, а мы лежали на нашей полянке. Солнце, она, любимая, и я. Казалось, нет ничего прекраснее. Мы не думали, что за нами ведутся поиски, что мы приговорены к самой мучительной, страшной смерти. Мы просто ловили момент. Здесь и сейчас. Вдвоем. На этой полянке, на берегу Таинственного Озера.

– Слушай. – Она приподнялась и повернулась ко мне, вертя в руках ромашку. – А если бы ты знал, что завтра умрешь...– Аня сделала паузу.

– Каким бы был мой последний день или час?

– Да.

– Ну, я бы, конечно, ограбил бургерную.. – Крикнул я, поднялся и повалил ее на траву. – Или уехал с тобой на самую крайнюю точку земли.

– Кирилл...– Прошептала Аня.– Что мы будем делать? Дальше...

Я резко вскочил и подошел к озеру. Ответ был один. Один правильный.

–Кирилл...– Аня приблизилась ко мне и взяла за руку.– Давай уедем. Автостопом. Они ведь не найдут.

– Охо-хо!– Рассмеялся я и выдернул руку.– Они найдут нас везде. В Африке, на Таймыре, среди медведей в Арктике,

пустыне!— Крикнул я. — И наш единственный выход — это вернуться в убежище. Там мы будем в полной безопасности.

— А смысл, Кирилл?— Крикнула Аня.— Сам же говоришь, найдут! Так что, сиди, не сиди, все равно с ними встретишься. Не лучше ли последние дни провести на свободе, на полную катушку?

—Есть четкий план действий.— Спокойно ответил я. — Отклонение — смерть. А так есть хоть какие-то шансы.

— Ну и пожалуйста.— Аня яростно зашагала в сторону города.— Отсидиваться в бункере — бред. — Она остановилась у самого выхода из опушки.— Ты со мной? Один день, и мы возвращаемся в убежище. Пожалуйста, Кирилл.

Мы двигались по коридору подземелья, и, наконец, вышли на поверхность. Я снова оказался в той самой лаборатории, куда мы с врачом привезли бледную девушку.

— Какие люди.— Денис поил незнакомку через пипетку. Выглядела она гораздо лучше, на лице появился едва заметный розовый оттенок. При виде меня девушка облегченно улыбнулась.

— Поймала в кафе. — Бросая перчатки в угол, выдала официантка. — Еле ноги унесли. — Она упала на диван . — А то бы вообще. Коллапс.

— Носит же тебя. По ночам шляешься где попало. — Не

отвлекаясь от процесса, проговорил врач.— Глаз да глаз.

— Это Паша.— Вновь подала голос официантка.— Очередного завез.

— Ну, давайте скажем, что этот — не случайный гость. — Денис поднялся, подошел к шкафу извлек из него маленькую фотографию в полиэтиленовой упаковке.— Ничего рассказать не хочешь?

Он передал карточку мне. На ней были я, Аня, незнакомка с пляжа, и Паша Ильин.

— Угу. — Кивнул я. — Только вот не помню ничего.

— А вот она помнит.— Денис указал на уже уснувшую блондинку.— Поговорили мы с ней немногoи. Ее зовут Лариса Вербицкая, да, это дочь бывшего профессора кафедры клинической психологии и экспериментальных разработок НИИ имени Королева, Валерия Вербицкого. Пропала без вести полгода назад, поиски результатов не дали. Но это не суть. — Денис пристально посмотрел мне в глаза.— Не хочешь рассказать нам, что произошло десять лет назад в здании заброшенного метро? Следы ведут, несомненно, оттуда.

—Тогда и ты мне ответь.— Поднял я голову.— Мы ведь друзьями были. Да-да, вот мы.— Указал я на незнакомку.— В одной компании, учились вместе. А теперь я ничего не помню, а ты такой чистенький, почему, а?

Денис едва заметно улыбнулся, посмотрел на меня, и вновь подошел к шкафчику. Затем, вернулся ко мне, бросив передо мной результаты анализа крови.

– А теперь внимание. – Он присел передо мной. – Вот эти буковки – это чудесный элемент. Впервые, – Денис поднялся, и лекционным тоном продолжил. – Был он был разработан учеными из Штатов. – Он сделал паузу. – Крыса, которая, как известно, обладает высоким интеллектом, забыла свой ежедневный маршрут. Но, – Денис повернулся к нам. – На людях его еще не испытывали, точнее, так считали.

Вначале 90-х профессор Калугин, после посещения Мичиганского университета, поставил перед сотрудниками НИИ имени Королева задачу разработать аналог данного препарата. Но НИИ внезапно закрылся. – Хлопнул Денис в ладоши. – А коллектив – исчез. Весь руководящий состав. Профессор Корешковский – убит, так считают, Григорьев – пропал. У профессора Вербицкого исчезла дочь, – и началось это все как раз с пропажи самого профессора Калугина. А это – Денис указал на бумагу. – Это мои анализы. И то, что мы были друзьями, я помню из обрывков воспоминаний. Видений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.